

ТОТ, КТО ДОЧИТАЕТ МИР

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Тот, кто дочитает мир

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Тот, кто дочитает мир / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Вадим Карташов привык работать с чужими историями. Но однажды ему приносят книгу без имени автора — и он узнаёт в ней собственную жизнь. На следующих страницах описано то, что ещё не произошло. А дальше появляется женщина, с которой он никогда не встречался. У реставратора Лидии Веденеевой тоже есть такая книга. Только будущее в ней совсем другое. Теперь им нужно найти друг друга, хотя прочитанное заставляет обоих бояться этой встречи. За окнами — осенний Петербург. На столе — страницы, которые страшно перевернуть и невозможно оставить в покое. Чем ближе Вадим и Лидия становятся друг к другу, тем труднее понять, где заканчивается написанная история и начинается их собственный выбор. Можно ли доверять человеку, о котором ты уже прочёл слишком много?

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Работа на бумаге	5
Глава 2. Чистые руки	11
Глава 3. Не отдам	19
Глава 4. Место, где есть люди	27
Глава 5. До завтра	34
Глава 6. Восемнадцатое	42
Глава 7. До наших имён	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

А.М. Сунгурский

Тот, кто дочитает мир

Глава 1. Работа на бумаге

К шести вечера Вадим убрал из чужой любовной сцены третий дождь. Первый ещё был нужен: из-за него женщина задержалась в дверях. Второй можно было оставить в волосах мужчины. Третий шёл уже внутри обоих, и тут даже семнадцать лет редакторской работы не подсказывали, кого следовало сушить первым.

Он выделил предложение, нажал клавишу и откинулся на спинку стула.

За окном дождя не было. Женщина на противоположной стороне улицы поднимала упавший самокат; ребёнок рядом с ней продолжал держать ладони так, будто руль ещё находился в них. Над дорогой зажглись фонари. Вадим посмотрел на свою кружку, вспомнил, что уже дважды доливал в старый чай кипятилок, и всё-таки потянулся к чайнику.

Телефон, лежавший на распечатке, завибрировал. Надежда.

— Ты открыл шестнадцатую?

— Я сейчас в четырнадцатой.

— Открой шестнадцатую.

Он убрал окно мессенджера и прокрутил текст до нужного заголовка. Шестнадцатая глава начиналась словами: «Прошло три года».

— Всё ещё живы, — сказал Вадим. — Это уже хорошо.

— Прочти второй абзац.

Он прочёл. Женщина вернулась к мужу. Они сидели на веранде и смотрели, как дочь учится ездить на велосипеде.

— Велосипед у нас был, — заметил он. — Только у брата.

— Мужа похоронили в одиннадцатой.

Вадим открыл поиск. В одиннадцатой действительно шли похороны. Он читал их утром, помнил белый воротничок на слишком широком пиджаке и чужую руку, которая всё время попадала в поле зрения вдовы. Тогда он даже написал на полях: «Хорошо, оставить».

— Может быть, здесь другой муж?

— Тот же. С тем же именем. Автор прислал две разные редакции. Сказал, что во второй передумал его убивать. Первую половину файла заменил, вторую забыл. Ты, пожалуйста, больше ничего не сглаживай. Мне нужен список расхождений, а не новая семейная жизнь для покойника.

— Я никого пока не воскресил.

— Очень прошу, Вадик, продержись до завтра.

Он рассмеялся, и Надежда на другом конце тоже коротко фыркнула. После этого оба помолчали. Вадим провёл пальцем по ободку кружки и спросил, давно ли она дома.

— Я ещё в издательстве. Жду таблицу.

Таблицу обещал он.

— Я думал, тебе к девяти.

— Мне к девяти отправлять. Я бы хотела посмотреть на неё до отправки.

— Через двадцать минут.

— Через двадцать минут я уйду. Если раньше — буду благодарна.

Она положила трубку без привычного «пока». Вадим закрыл чужой роман, открыл таблицу и переставил кружку на подоконник, чтобы не тянуться к ней каждые полминуты. Нужны были всего четыре строки: фамилии, объёмы, сроки. Он долго не заполнял последнюю, потому

что рядом со своей фамилией пришлось бы написать «понедельник», а затем объяснять, почему обещанная пятница перестала быть пятницей.

В домофон позвонили, когда оставалось отправить файл.

— Доставка Карташову.

— От кого?

— Здесь Туманов указан. Откроете?

Вадим нажал кнопку и вернулся к компьютеру. В письме Надежде он написал, что по последней позиции есть небольшое смещение. Стер слово «небольшое», вписал новый срок и отправил. Пока курьер поднимался, удалось вымыть кружку, убрать со стула рубашку и вспомнить, когда именно Роман обещал прислать работу.

Вчера. Или во вторник.

У двери стоял молодой человек в тонкой куртке, с покрасневшими от холода кистями. Плоский свёрток он держал под мышкой, а в другой руке — телефон с открытым бланком.

— Последние четыре цифры.

Вадим нашёл сообщение и назвал код. Курьер передал ему свёрток, потёр ладони и посмотрел на обувную полку.

— У вас лифт так всегда делает?

— Как?

— Сначала приезжает, потом думает, открываться или нет.

— Иногда он думает и внутри.

Парень не улыбнулся. Обернулся к лестнице.

— Пойду пешком.

— Это только звук такой. Его летом смотрели.

Но курьер уже спускался, и Вадим услышал, как на следующей площадке быстро застучали каблук его ботинок.

Свёрток оказался тяжелее, чем выглядел. Не пачка офисных листов: внутри угадывался жёсткий прямоугольник. Серая обёрточная бумага была стянута двумя полосами прозрачной ленты. На верхней стороне напечатали только адрес и фамилию, а в левом углу от руки поставили цифру один.

Он отнёс свёрток к столу и позвонил Туманову.

Роман ответил не сразу. На заднем плане гремела посуда.

— Получил?

— Только что. Тут книга?

— Почти.

— Рома, я просил файл. На бумаге это другой срок.

— Сначала открой. Я же не говорю: завтра сдай.

Вадим подцепил ленту ножницами. Роман подождал, а затем спросил, можно ли сейчас разговаривать. Станный вопрос после того, как разговор уже начался. Вадим включил громкую связь и положил телефон подальше от ножниц.

— Можно. Что именно нужно?

— Первое впечатление. Есть ли там вообще связный текст. Что с языком. Не собирай редакторское заключение на сорок страниц, я тебя знаю. Посмотри начало, середину, конец. Дальше решим.

— Кто автор?

— Обсуждаем с владельцем. Пока имя не для публикации.

Вадим разрезал вторую полосу. Из бумаги вышел тёмно-зелёный переплёт без надписи. По ткани, если наклонить её к лампе, шли светлые потёртые полосы. Уголки были сбиты, однако не так, как у книг, много раз стоявших на полке: больше потёрлась середина передней крышки, словно по ней часто проводили ладонью.

— Насколько старое?

— С этим разбираются отдельно. От тебя сейчас текст.

— По рукописи я могу примерно сказать время написания, если это не стилизация. По бумаге — нет.

— Я и не прошу по бумаге.

На секунду отодвинув телефон, Роман кому-то ответил. Вадим услышал «восемь, без упаковки» и представил его у магазинного прилавка. Роман умел обсуждать редкую книгу, спорить о доставке и выбирать еду так, что ни один из собеседников не чувствовал себя совсем отложенным. Вадим обычно замечал только потом, что половину разговора соглашался с тем, чего не успел понять.

— За первые замечания пятнадцать, — продолжил Туманов. — Если возьмёшься за редактуру, договоримся отдельно. Всё письменно пришлю. Есть мелкая особенность: не делай пока надписей на оригинале.

— Я и на чужих квитанциях не пишу.

— Это хорошо. Тогда посмотрим до субботы?

— Только первичное чтение. И если объём не больше того, о котором говорили.

— Договорились.

После звонка Вадим ещё несколько секунд смотрел на погасший экран. Пятнадцать тысяч за первые замечания были кстати. Это немного портило ясность, с которой ему следовало сказать: у меня нет времени. Он отвёл себе час. Потом ужин и книга с неудачно воскресшим мужем.

У тёмного тома не было издательского титула. За чистым первым листом шёл другой, с единственной строкой посередине:

«Тот, кто дочитает мир».

Ни имени, ни города, ни года. Внизу справа карандашом стояла ещё одна единица, меньше той, что была на обёртке. Вадим провёл пальцем рядом с ней, не касаясь грифельного следа, и перевернул страницу.

Текст набрали достаточно крупно, с широкими полями. Буквы были чёрными, ровными; лишь в отдельных строках оттенок уходил в серый. Печатали, по-видимому, с какого-то неидеального оригинала. Номера страниц начинались сразу с единицы.

«В пятницу утром Вадим Карташов заметит, что один из зубцов на его расчёске сломан».

Он не сразу поднял голову. Сначала дочитал предложение, которым открывался второй абзац.

«Он выбросит маленький чёрный обломок из раковины и подумает о покупке новой, хотя в тумбочке уже лежит другая, купленная в июне».

Вадим перевёл взгляд на телефон. Проверил дату на экране: четверг, шестнадцатое октября. Затем снова посмотрел на своё имя.

Оно было написано правильно. Даже отчество, появившееся ниже, тоже принадлежало ему: Вадим Сергеевич.

Он откинулся на спинку стула, и та издала свой обычный жалобный звук.

Роман.

Другого объяснения не возникло. У Туманова бывали проекты, которые он называл «предметами с историей». Однажды это была шкатулка, куда вложили письма вымышленной певицы; однажды — альбом с нарочно состаренными снимками спектакля, которого никто не ставил. Роман не выдавал вещи за подлинный антиквариат, но любил, чтобы покупатель сам на несколько минут принял их за настоящее. Вадим правил для альбома короткие подписи. Тогда ему не понравилось, что узнавать о выдумке полагалось на последней странице.

Он прочёл ещё полторы страницы.

Там описывалась его кухня. Правое окно, подоконник с круглым следом от цветочного горшка, узкий стол, стул, на который он складывал бумаги и с которого приходилось их снимать перед едой. Роман бывал в квартире. Давно, но бывал. Об этом не стоило забывать.

И о расчёске тот мог узнать. Как-нибудь.

Вадим встал и прошёл в ванную. Дешёвая чёрная расчёска лежала на полочке под зеркалом. Все зубцы были целы. Он сосчитал их не до конца, а только провёл большим пальцем от одного края к другому. Обломка в раковине не было. В нижнем ящике нашлась новая, в прозрачном чехле. Когда он её купил, Вадим не помнил.

Возвращаясь к столу, он остановился посреди кухни. Получалось, что пять минут назад человек принял незнакомую книгу, увидел в ней собственное имя — и немедленно пошёл выполнять поручение её автора. Даже если это было поручение осмотреть расчёску.

Он позвонил Роману снова.

На этот раз Туманов ответил почти сразу.

— Ну?

— Это что за штука?

— Что именно?

— Не надо. Ты попросил посмотреть рукопись. Обычную рукопись. Там моё имя.

Посуда на другом конце уже не гремела. Был слышен ровный отдалённый шум, как в движущейся машине.

— Полное?

— С адресом. С моей ванной. Со всем, что тебе вздумалось туда сунуть.

— Вадим, я её не писал.

— Хорошо. Кто написал?

— Давай я проверю. Ты до какого места дошёл?

Вадим посмотрел на номер страницы.

— До третьей. Ты хоть предупреждай, если я должен участвовать в твоих штуках.

— Ты не должен ни в чём участвовать. Отложи пока.

— Совсем?

— Я выясню у человека и перезвоню.

— Сегодня.

— Постараюсь сегодня.

Теперь Вадим сам первым закончил разговор. Книга лежала раскрытой, и потому, выключив телефон, он снова увидел своё имя. Словно человек, с которым только что поссорились, оставался сидеть напротив.

Он закрыл переплёт. Подвинул его к краю стола и открыл холодильник.

Ужин состоял из риса, который следовало съесть ещё вчера, и двух яиц. Вадим переложил рис на сковородку, налил немного воды, поставил на плиту. Когда вода зашипела, от Надежды пришло сообщение: «Таблица нормальная. Спасибо, что написал реальный срок».

Он набрал: «Тебе когда-нибудь заказывали текст о тебе самой?»

Потом стёр. Надежда шла домой, и ему уже приходилось сегодня заставлять её ждать.

Пока жарились яйца, он вынул из ящика новую расчёску. Снял прозрачный чехол и положил её в ванной вместо старой. Старую понёс в кухню, чтобы убрать в коробку с мелочами, но у плиты зашипело масло. Он сунул расчёску в левый карман, перехватил ручку сковородки через полотенце и уменьшил огонь. Во всяком случае, завтра утром пользоваться старой уже не придётся.

От этого стало легче, хотя Вадим постарался не задерживаться на причине облегчения.

За едой он смотрел короткое видео про человека, который сделал в сарае лодку, а потом не смог вынести её через дверь. Человек добродушно объяснял, почему нельзя было заранее

измерить проём: сарай строил другой. Вадим засмеялся с полным ртом, поперхнулся рисом и отложил телефон.

Тёмная книга лежала рядом с локтем.

В конце концов он убрал тарелку, протёр стол и вернул переплёт под лампу. Открыть конец Роман предложил сам. В конце подобных затей обычно находилось объяснение, достаточно хотя бы для того, чтобы перестать чувствовать себя дураком в собственной кухне.

Вадим взял сразу толстую часть блока и перевернул.

Последние несколько листов были чистыми. Он прошёл назад, пропуская пустоту. На странице сто девяносто один нашёл текст.

Здесь уже не описывали его квартиру. Действие происходило в каком-то рабочем помещении: низкий свет над столом, окно во двор, у стены открытые полки. Женщина стояла у двери, прижимая ладонь к животу. Её звали Лидия Веденеева. Вадим попробовал вспомнить это имя и не смог.

Он начал читать с верхней строки, но вскоре перескочил ниже, потому что увидел свою фамилию.

«Карташов положил нож на стол, рядом с полоской белой ткани. Лидия опустилась на колени, ещё не веря, что он больше не подойдёт. Она хотела спросить, зачем он вернулся, но сумела произнести только его имя. Когда Вадим наконец достал телефон, она была уже мертва».

Вадим убрал руку с края листа.

Он прочёл весь абзац ещё раз. Нож. Полоска ткани. Женщина, которую он не знал. Никакого «показалось», никакого чужого сна. Ровный рассказ о действиях, завершённых к тому моменту, когда о них начинают рассказывать.

Под текстом оставалось свободное место. В самом низу стояла дата: восемнадцатое октября.

Послезавтра.

Вадим почувствовал, что на кухне жарко. Он встал, открыл окно, однако к столу не вернулся. Снаружи доносился разговор двух мужчин, остановившихся под фонарём. Один никак не мог найти нужное сообщение, другой повторял, что торопиться некуда. В открытое окно вошёл холодный воздух.

Он взял телефон и сфотографировал страницу. Потом — предыдущую, титул и первые три. Проверил снимки. Буквы читались, его пальцы в кадр не попали. Вадим отправил Роману последнюю страницу и написал: «Объясни сейчас. Это уже не смешно».

Сначала рядом с сообщением была одна отметка, потом две. Роман ничего не ответил.

Вадим поставил телефон на зарядку. Вернулся в ванную, открыл холодную воду и подержал под ней кисти. Когда он нагнулся, в левом кармане брюк что-то хрустнуло.

Выпрямившись, он вспомнил про старую расчёску.

Вадим вытащил её вместе с маленьким чёрным обломком. Несколько секунд он просто смотрел на свою ладонь. В кармане также нашлись чек из продуктового и ключ от почтового ящика. Расчёска была тёплой от тела.

Он сам убрал её с полки. Сам засунул рядом с ключом. Ничего удивительного не произошло, кроме того, что теперь ему хотелось найти причину, по которой простой кусочек пластика не следовало считать совпадением.

Вадим попробовал приложить зубец к неровному белёсому месту. Подошёл. Ключ, должно быть, упёрся между зубцами, когда он нагнулся. Заметить поломку завтра утром он уже не мог — заметил сегодня.

Он вернулся на кухню с расчёской и обломком в ладони. Телефон зазвонил так внезапно, что Вадим уронил обломок.

Роман.

— Наконец-то. Ты получил фотографию?

— Получил. Послушай, не трогай больше текст.

— Я его не трогал.

— Не делай помет. Не вычёркивай. Завтра утром я заберу.

— А сегодня ты можешь объяснить?

Роман молчал. Вадим слышал его дыхание и далёкий металлический стук.

— Человек, которому она раньше принадлежала, умер, — сказал Туманов. — Я разбираюсь, что там было. Лучше сейчас не по телефону.

— У меня тут написано, что я послезавтра убью женщину. Мне вполне подходит по телефону.

— Ты эту женщину знаешь?

— Нет.

— Тогда тем более. Никуда не ходи по адресам из текста. Никому ничего не обещай. Я приеду утром.

— В девять.

— В десять. Раньше не успею.

Вадим хотел спросить ещё что-то, но Роман произнёс «до завтра» и закончил разговор.

Сломанный зубец лежал у ножки стола. Вадим нагнулся за ним, положил рядом с расчёской и вдруг рассердился так сильно, что перестал мёрзнуть. Чужая штука вторглась в его вечер, заставила всматриваться в копеечную расчёску, выдумывать объяснения и назначать встречу, как будто это он должен был кому-то объясняться.

Он открыл книгу на первой странице.

«В пятницу утром Вадим Карташов заметит...»

Четверг ещё не закончился. Как бы ни сломалась расчёска, здесь было написано неправильно.

Он потянулся к карандашу и остановился, услышав в голове Романово «не делай помет».

Вместо карандаша взял чистый лист. Написал на нём дату и время. Ниже: «Расчёска сломалась сегодня вечером. Не утром. Лежит на столе».

Затем поставил рядом кружку, чтобы при новом снимке в кадр попали и записка, и предмет. Фотографию он никому не отправил.

От самой необходимости всё это делать его снова охватила злость, но теперь нашлось простое занятие. Вадим вынул из шкафа прозрачный пищевой контейнер, положил в него расчёску и обломок, защёлкнул крышку. Установил на подоконнике, где они были видны от стола.

Только после этого он сел и набрал в поиске имя Лидии Веденеевой.

Глава 2. Чистые руки

Лидия услышала, что Матвей пришёл, по тому, как он закрыл дверь. В детстве он хлопал ею, когда сердился. Теперь научился придерживать ручку, и эта аккуратность предупреждала гораздо надёжнее хлопка.

Она не подняла головы. Под тонким листом лежал оторванный край карты; один конец уже лёг как нужно, другой чуть уходил вверх. Если сейчас отпустить, придётся снова ловить совмещение.

— На кухне суп, — сказала она.

— Я ел.

— Тогда там всё равно суп.

Матвей остановился в дверях мастерской. Лидия видела его кроссовки, край широких брюк и ремень сумки, который он переставлял с одного плеча на другое. В школу с этой сумкой он не ходил.

— Ты мне написала, что перезвонишь.

— Да. Прости. Я помню.

— Это было два часа назад.

Она закрепила край и только тогда посмотрела на сына. На носу у него осталась красная полоса от очков, хотя сами очки он держал в руке. За последнюю зиму лицо вытянулось, и Лидия всё ещё иногда удивлялась человеку, которого выпускала из дома утром. Казалось, он успевал вырасти ещё немного, пока спускался по лестнице.

— Что у тебя?

— Меня взяли.

Лидия молчала, перебирая варианты. Он понял и сразу помрачнел.

— На площадку. Звук. Я говорил.

— Ты говорил, что сходишь посмотришь.

— Я сходил. Посмотрел. Меня взяли на субботу.

— Что делать?

— Помогать.

— Матвей, помогать можно таскать стойки, а можно одному сидеть за пультом перед полным залом. Что именно?

Он скинул сумку на пол и прислонился к косяку.

— Раскладывать кабели. Собирать потом. Я не буду один за пультом, они тоже не дураки.

— Я не говорила, что они дураки.

— Ты так спросила.

Лидия сняла очки и протёрла стёкла краем чистой салфетки. Если ответить сейчас, получится, что они уже ссорятся. Матвей ждал именно этого — с тем упрямым терпением, которое унаследовал от неё, хотя она охотнее находила его в Юрии.

— Кто отвечает за тебя там?

— Человек, к которому я ходил.

— Имя у человека есть?

— Денис. Ты хочешь позвонить ему и всё отменить?

— Я хочу знать, куда ты идёшь в субботу. У меня из сведений пока кабели и Денис.

Он достал телефон. Протянул ей, но не выпустил из руки, пока Лидия не взялась за корпус.

В переписке всё выглядело гораздо спокойнее их разговора. Название небольшого концертного пространства, время, список того, что принести. Закрытая обувь. Смена футболки.

Вода. В самом конце — просьба заранее сказать, если не получится. Денис не обещал сделать Матвея звукорежиссёром за один вечер.

— До одиннадцати? — спросила она.

— Это уже со сборкой.

— А домой как?

— Папа заберёт.

Лидия вернула телефон.

— Ты с ним уже договорился?

— Да.

— Хорошо.

Матвей не двинулся. Он ожидал, что после «хорошо» последует то, ради чего она до сих пор не запрещала.

— Скинь мне адрес и номер Дениса. И папе. Сегодня, пожалуйста.

— Всё?

— Ещё поешь. Но это отдельно от трудоустройства.

Он подхватил сумку, и Лидия снова надела очки. Уже из коридора Матвей спросил:

— Ты правда не против?

— Мне не нравится, что я узнаю последней. Против работы я ничего не имею.

— Ты не последняя. Бабушка ещё не знает.

— Вот и скажешь ей сам, что теперь ночами таскаешь провода.

— Кабели.

— Начинается, — сказала Лидия.

Он засмеялся. На кухне открылся холодильник, звякнула крышка кастрюли. Суп всё-таки пригодился.

Лидия посмотрела на карту. Подклеенный край остался там, где следовало. Она накрыла участок подготовленным материалом и вернулась к записи о работе: что сделано, на каком листе, какие повреждения обнаружились рядом. Заказчица просила не торопиться с самым трудным разворотом, но закончить в срок. Лидии нравилось это сочетание до тех пор, пока она не посмотрела на календарь.

Шестнадцатое октября. Четверг. Передать атлас надо было двадцать девятого, в среду.

На следующий год Алла обсуждала с ней ещё четыре вещи из собрания. Пока только обсуждала, однако это была уже работа, которую можно было вписать в собственное будущее карандашом: заменить лампу, заказать хороший шкаф, перестать раскладывать большие листы так, чтобы перед каждым ужином освобождать половину дома.

Лидия развернула телефон экраном к себе. От Аллы пришёл ответ на утреннюю фотографию: «Красиво получается. На выставке дадим отдельный свет».

Она набрала: «Не слишком сильный» — и добавила, что пришлёт рекомендации. Потом стёрла восклицательный знак. Заказчица не заслуживала окрика за доброе сообщение.

Домофон зазвонил, когда Лидия убирала со стола инструменты, которые сегодня больше не требовались.

— Матвей, откроешь? Это, наверное, ко мне.

Сын отозвался с набитым ртом. Она услышала обрывки разговора: фамилия, доставка, этаж. Через несколько минут он внёс в мастерскую прямоугольный свёрток.

— Подписал?

— Там код. Я у тебя с экрана прочитал.

Лидия взяла телефон. Код доставки действительно высветился поверх её открытой переписки с Аллой.

— В следующий раз спроси сначала.

— Ты же сказала открыть.

— Дверь. Это разные вещи.

Он пожал плечами, положил свёрток на свободный табурет и ушёл. Она уже хотела позвать его обратно, чтобы не оставлять после разрешения на субботу такую мелкую ссору, но из кухни донеслось негромкое пение. Он не считал, что они поссорились.

На обёртке была её фамилия. Отправитель — Роман Туманов, в левом углу карандашная двойка. Лидия знала Романа лет пять. Он приносил книги, иногда хорошие, иногда только старые, и всегда начинал с вопроса, можно ли что-нибудь сделать. Как будто она однажды могла сказать: нет, Рома, на этот раз мир окончательно испорчен.

Вчера он прислал снимки переплёта. Просил осмотреть, назвать повреждения и решить, стоит ли вообще приниматься за работу. Содержимое, по его словам, оценивали отдельно. Лидия согласилась на осмотр и предупредила, что до конца месяца занята. Роман ответил, что срочно нужна только ясность. Ясность обычно требовалась ему раньше, чем он успевал сформулировать вопрос.

Она освободила место, убрала атлас подальше и сняла обёртку.

Переплёт был серый, с голубоватым оттенком. На снимке ткань казалась почти новой; здесь были видны затёртые углы и тёмная полоса у корешка. Лидия поднесла книгу ближе к лампе, не раскрывая. У нижнего края задней крышки нитка ткани вытянулась петелькой. Она удержалась от желания сразу её убрать.

Сначала сняла общий вид. Потом — корешок, обрезы, оба повреждённых угла. Положила рядом линейку, повторила снимок. Когда работаешь дома, легко решить, что всё и так запомнишь. Особенно легко — к вечеру не вспомнить, была ли царапина уже при доставке.

Книга раскрылась неохотно. Лидия не стала прижимать её к столу: подложила опору, посмотрела, как ведёт себя блок. Один стиб был повреждён, несколько листов отходили от соседних неровно. Это ещё не означало, что их следует немедленно разделять. Она записала наблюдение и перевернула первый чистый лист.

«Тот, кто дочитает мир».

Название стояло посередине, ниже справа — маленькая двойка простым карандашом. Издательских сведений не было.

Лидия сняла и этот разворот. Заказчики иногда забывали, что приносили, и искренне удивлялись собственным пометам. Ей нравилась фотография тем, что с ней можно было не спорить о памяти.

На следующей странице начинался текст.

«В пятницу Лидия Веденеева выйдет из дома без ключей. Матвей услышит звонок не сразу, потому что будет сушить волосы, хотя до выхода останется больше часа».

Она дочитала абзац, прежде чем поняла, что прочла своё имя.

Внизу говорилось о синей чашке с отколотым краем. Лидия посмотрела в коридор. Чашка стояла на кухне в раковине: Матвей сегодня пил из неё чай. Или вчера. Она сама брала другую, жёлтую, большую, с неудобной ручкой.

— Матвей.

Он показался в дверях с хлебом.

— Что?

— Ты знаешь, что в этой книге?

— В какой?

Она указала на серый переплёт.

— Нет. Откуда?

— Не открывал?

— Там скотч был. Ты сама резала.

Лидия опустила взгляд на обёртку. Действительно, разрезанные полосы ленты лежали рядом. Она спросила глупость, и сын это заметил.

— Там что-то про меня, — объяснила она.

Матвей подошёл. Наклонился над страницей, придерживая хлеб у груди, чтобы не уронить крошки. Она машинально отодвинула его руку.

— Давай без еды.

Он положил хлеб в рот целиком. Лидия закрыла глаза на секунду.

— Я просила убрать, а не уничтожить.

Матвей дочитал, прожевал и сказал:

— Ну ты забываешь ключи.

— Спасибо. Очень точное литературное наблюдение.

— Сушу я тоже иногда. А что, это нельзя?

— Можно. Ты Туманову ничего не рассказывал?

— Кто это?

— Роман. Который приносил нам большой футляр весной.

— Я не помню.

Она объяснила, и Матвей наконец узнал человека. Нет, он не разговаривал с ним о ключах. О волосах тем более. О чашке с людьми он вообще беседует редко.

Лидия улыбнулась, чтобы он не увидел, как ей неприятно.

— Ладно. Я сама спрошу.

— Может, подарок тебе?

— Я бы предпочла деньгами.

Матвей ушёл на кухню. Через минуту зашумела вода: он всё-таки мыл за собой тарелку. Лидия взяла телефон и открыла переписку с Романом.

«Получила. Почему здесь наши имена?»

Ответа не было. Она посмотрела снимки, которые он присылал вчера. На них были только крышки и повреждённый корешок. Ни одной страницы с текстом.

Лидия не стала читать дальше. Написала несколько строк об осмотре, приписала, что до прояснения содержимого ничего с книгой делать не будет. Закрыла переплёт, положила на отдельный лист бумаги и вернулась к атласу.

Минут через десять пришлось остановиться.

Она всё время поглядывала на серую ткань и от этого начала торопиться там, где спешить было нельзя. Одну полоску вырезала короче нужного. Вторую едва не положила не той стороной. Это были мелочи, которые нетрудно исправить, пока понимаешь, что делаешь. Лидия убрала инструмент и решила закончить работу на сегодня.

Матвей собирался к отцу. Взял сменную футболку, зарядку и коробку с какими-то переходниками. По плану он должен был остаться там до пятницы, вернуться после занятий. Они договорились об этом ещё в понедельник; сейчас Лидия вдруг захотела сказать, чтобы он никуда не ходил.

Она представила, как объяснит причину. В чужой книге написано, что ты будешь завтра дома. Поэтому останься дома, чтобы я не боялась чужой книги.

— Ключи взял? — спросила она.

Матвей похлопал по карману.

— Да.

— Скинь адрес площадки, пока не ушёл.

Он вздохнул, однако достал телефон. Сообщение пришло сразу. Лидия открыла его, проверила, что там есть и адрес, и номер Дениса, и только тогда обняла сына. Он привычно наклонился, чтобы ей не пришлось подниматься на носки.

— Ты чего так?

— Как?

— Долго.

Она отпустила.

— Всё, иди. Позвони, как доедешь.

Матвей взял коробку. Уже на площадке обернулся:

— Не забудь завтра, что меня утром нет. А то выйдешь без ключей.

— Очень смешно.

Он улыбнулся, и на мгновение Лидия увидела прежнее детское лицо, в котором всегда заранее проступало удовольствие от удачной шутки.

После его ухода она прошлась по квартире. Подняла у дивана носок, отнесла на кухню стакан, вытерла воду вокруг раковины. В комнате сына тихо щёлкал остывающий компьютер. Лидия выключила настольную лампу, которую он оставил гореть, и постояла у двери.

Текст уже ошибался. Завтра утром Матвей будет у Юрия. Никакого фена за закрытой дверью.

Можно было позвонить Роману и сказать это сердито, с удовольствием. Однако сначала пришлось бы объяснить, почему ей понадобилось доказывать неизвестному автору, где ночует её сын.

Она вернулась в мастерскую.

На первой странице ничего не изменилось. Матвей по-прежнему собирался сушить волосы. Лидия провела взглядом по следующим строкам. Автор знал цвет её куртки. Знал, что верхний ящик под столом иногда заедает и она толкает его коленом. Знал имя Аллы.

Вот последнее уже не нравилось совсем.

Она взяла телефон и позвонила заказчице. Разговор оказался коротким. Нет, Алла не поручала никому сочинять о ней историю. Нет, не передавала Лидины рабочие фотографии для рекламной публикации. А что случилось?

— Похоже, перепутали какую-то персональную вещь, — сказала Лидия. — Там ваше имя. Я решила проверить.

— Наше?

— Только имя. Если выяснится что-то серьёзное, сразу напишу.

После разговора стало ещё неприятнее. Она и сама уже говорила так, будто обязана сначала сделать чужую нелепость приемлемой для нормального человека.

Лидия сняла первые страницы целиком. Несколько фотографий вышли с бликом, и она передвинула лампу. На одном снимке был виден конец названия заказанного атласа. Человек мог узнать его у Романа? Роман не работал с Аллой, насколько Лидия помнила. Хотя частные собрания — тесный круг; отсутствие знакомого имени ещё ничего не доказывало.

Она стала листать дальше, не читая подряд. Искала, насколько далеко простирается эта осведомлённость. Работа, кухня, короткий разговор в незнакомом месте. Несколько пустых листов в середине. Потом опять текст.

На одном из разворотов глаз зацепился за слово «нож».

Лидия остановилась.

Комната из описания была её мастерской. Не просто стол и стеллаж — низкая полка у окна, которую Юрий когда-то прикрутил чуть косо; след от прежнего крепления лампы; плоская коробка под ногами сидящего. Лидия не любила эту полку, но переделывать её было неудобно: пришлось бы снять почти всё.

У стола стоял мужчина.

«Вадим Карташов попробует заговорить с ней спокойно. Это будет последняя его ошибка. Лидия Веденеева уже не услышит слов: она увидит только правую руку, тянущуюся к книге. Потом он отступит, прижмётся спиной к полке и медленно сядет. На серой ткани останется тёмная полоса. Лидия не сразу разожмёт пальцы, хотя нож больше не будет нужен».

Она перевела глаза на следующий абзац.

Мужчина умирал. Автор сообщал об этом без сомнения и без возможности понять фразу иначе. Ни спектакля, ни сна, ни сравнения. Человек с именем и фамилией умрёт в этой комнате, а Лидия будет стоять рядом.

Внизу страницы была дата. Восемнадцатое октября.

Она прочла ещё раз, теперь с начала разворота. Всё происходило в субботу. Мужчина приходил не впервые; текст говорил, что он «вернулся», но откуда и после чего — на этих страницах не объяснялось. В другой строке упоминалась белая тканевая полоса на столе.

Лидия оглянулась на коробку с нарезанной тканью.

Её первой мыслью было убрать коробку. Второй — что это ничего не изменит. Кто-то писал о её доме, о сыне, о работе. Убирая вещи, она только начнёт помогать этому человеку распоряжаться комнатой.

Она сфотографировала разворот. Проверила, что текст читается, и позвонила Туманову.

Он не ответил.

Лидия дождалась конца вызова, отправила снимок и набрала: «Ты видел, что мне прислал?»

Потом пошла на кухню и выпила воды прямо над раковиной. Пить не хотелось. Хотелось сделать что-нибудь привычное, чтобы рука снова стала её рукой, а не частью чужого описания.

Телефон зазвонил, когда она ставила стакан.

— Лидия? — произнёс Роман.

— Да, это я. Конечно, я. Ты посмотрел фотографию?

— Сейчас смотрю.

Она слышала шум улицы. Роман попросил подождать и куда-то отошёл; стало тише.

— Кто это написал? — спросила Лидия.

— Я выясняю.

— Ты от кого получил книгу?

— От человека, с которым работаю.

— Какого человека?

— Лида, я сейчас сам не понимаю, что происходит.

Ей не понравилось, что он вдруг назвал её Лидой. Раньше это бывало только после законченного заказа, когда они уже могли позволить себе удовольствие не соглашаться из-за цены.

— Тогда дай его номер. Я спрошу сама.

— Сначала мне надо с ним поговорить.

— Ты уже поговорил со мной. Пока ничего полезного.

Он помолчал.

— Не работай с переплётом. Не вынимай листов. Я организую возврат.

— Не надо ничего организовывать. Я хочу знать, откуда здесь мой дом.

— Пришли остальные страницы, где есть что-то личное.

Лидия посмотрела на дверь Матвеевой комнаты.

— Нет.

— Мне нужно показать человеку, что...

— Я уже прислала достаточно. Остальное не буду.

Роман вздохнул. На заднем плане снова послышались голоса. Он обещал связаться, как только разберётся, и попросил пока никому не отдавать книгу. Лидия спросила, знает ли он Вадима Карташова.

Пауза была короткой. Но она уже ждала именно её.

— Знаю, — сказал Роман.

— Кто он?

— Редактор. Со мной работал.

— Ты дал ему мой адрес?

— Нет.

— Уверен?

— Я ему твой адрес не давал.

Повторённая фраза звучала иначе, чем простое «нет». Лидия поняла только, что у неё сейчас не хватит сил вытащить из неё всё спрятанное.

— Свяжись с ним, — сказала она. — И скажи, чтобы не приходил ко мне. Я его не звала.

— Хорошо.

— Сегодня, Роман.

Он пообещал.

После разговора Лидия сохранила фотографию отдельно и переслала её на собственную почту. Затем записала на листе, что Роман подтвердил знакомство с человеком из текста. Дата, время звонка. Она едва не добавила «адрес не передавал», но остановилась и вписала перед этой фразой: «сказал, что».

На часах было уже начало восьмого. За окном отражалась вся мастерская: лампа, стол, Лидия в старом домашнем свитере. Низкая полка выглядела в стекле прямой.

Она позвонила Матвею.

— Доехал?

— Я написал.

Лидия открыла сообщения. Действительно, написал, пока она разговаривала с Романом.

— Вижу. Папа дома?

— Дома. Мам, что случилось?

— Мне прислали неприятную вещь по работе. Хочу поговорить с ним.

Матвей не стал расспрашивать. Она услышала, как он окликнул отца, как объяснил в двух словах, кто звонит. Юрий взял телефон с привычным «слушаю», словно они разговаривали вчера, а не во вторник.

Лидия пересказала случившееся. Имён пока не называла, но не стала прятать смерть за словами «странная история». Сказала прямо: в книге описано, как она убивает человека у себя дома.

Юрий сразу спросил, были ли угрозы по телефону, пытался ли кто-нибудь попасть в квартиру, знает ли отправитель её расписание. Вопросы казались слишком простыми для той неприятности, в которой она оказалась. Отвечая, Лидия заметила, что ей становится легче именно от их простоты.

— Замок закрыт? — спросил он.

— Да.

— На оба?

— Сейчас закрою на второй.

Она прошла в прихожую и повернула ключ.

— Может быть, это какой-нибудь персональный текст, — сказал Юрий. — Они сейчас что угодно делают. Но если не объяснит, сохрани всю переписку. Не только кусок с картинкой.

— Я сохраняю.

— Приеду?

Она посмотрела на крючок, где часто висела старая Юрина куртка. Матвей иногда надевал её и сегодня забрал с собой. В прихожей осталось только его пальто.

— Не надо. Я пока не хочу, чтобы Матвей увидел это целиком.

— Тогда ты приезжай.

Лидия не ответила сразу. В предложении не было прежнего желания решить за неё, где всем следует находиться. Юрий просто предлагал место, где сейчас есть ещё два человека.

— Спасибо. Если совсем станет гадко, приеду. Пока я хочу понять, кто такой этот редактор.

— Только не зови его к себе.

— Я не собиралась.

— Знаю. На всякий случай говорю.

Они помолчали, и Лидия услышала Матвея на заднем плане. Он спрашивал про какой-то разъём. Юрий прикрыл микрофон ладонью, ответил ему и снова вернулся к разговору.

— Набери позже, — сказал он. — Просто чтобы я знал.

— Наберу.

Она положила телефон рядом с обёрткой и принялась искать Вадима Карташова. Однофамильцев оказалось несколько. Лидия открывала страницы, смотрела на лица, закрывала. Ни одно пока ничего ей не говорило.

На сайте небольшого издательства нашлась фотография мужчины с коротко подстриженными волосами. Он сидел за столом среди книг и держал в руке очки. Под снимком сообщалось, что Вадим Карташов работает с современной прозой. Лидия прочла несколько предложений о ясности языка и ответственности перед автором.

Ей захотелось послать фотографию страницы прямо под эти слова.

Вместо этого она нашла рабочий адрес почты. Открыла новое письмо, указала тему: «Книга от Романа Туманова».

Сначала написала, чтобы он не смел подходить к её дому. Прочла. Удалила. Если человек понятия не имеет о книге, такое письмо ничего не объяснит. Если имеет — покажет, что она уже испугалась.

«Меня зовут Лидия Веденеева. Сегодня Туманов прислал мне бумажную книгу, где есть ваше имя. Пожалуйста, напишите, знаете ли вы о ней. Без моего приглашения приезжать не надо».

Она не приложила снимок. Проверила адрес и отправила.

Потом убрала все ножи с рабочего стола в ящик. Ящик не запирался. Лидия постояла, держа ладонь на ручке, и поняла, что готова теперь найти коробку, закрыть коробку, спрятать ключ от коробки — до тех пор, пока вся квартира не окажется занята мерами против человека, которого она ещё ни разу не видела.

Она отпустила ручку.

В кухне остался суп. Лидия разогрела порцию, нарезала хлеб и села есть, оставив телефон перед собой. Письмо ушло. Юрий ждал звонка. На завтра у неё был список обычной работы, в котором не значилось ни одного убийства.

Серую книгу она оставила в мастерской и прикрыла дверь.

Глава 3. Не отдам

Утром контейнер стоял на том же месте. Вадим проверил его прежде, чем включил чайник, и сразу почувствовал себя человеком, который за ночь приобрёл новую неприятную обязанность.

Зубец лежал отдельно от расчёски. Крышка была защёлкнута. Ничего не исправилось.

Он налил воду, поставил чайник на подставку и открыл почту. Ответа от Лидии не было. Вчера её письмо нашлось почти сразу после того, как он начал искать её сам. Вадим перечитал его трижды, открыл адрес отправителя, поискал имя вместе со словом «реставрация» и только потом решился ответить.

Он написал, что получил от Туманова зелёную книгу с таким же названием и собственным именем. Что знает о ней не больше самой Лидии. Что приезжать без приглашения не собирается. В конце оставил телефон.

Письмо получилось слишком вежливым. Как ответ на претензию по поводу не вовремя присланной корректуры. Вадим хотел добавить, что ему тоже страшно, но не стал. Они ещё не были людьми, которым можно признаться в этом просто так.

Сейчас в почте появились два магазинных предложения и напоминание о платеже. Чужая обычная жизнь отлично обходилась без его ночи.

Вадим умывался над раковиной, стараясь не смотреть на полку. Новая расчёска лежала там, куда он сам её положил. Он провёл ею по волосам, убрал обратно. Потом вернулся и поправил положение, чтобы ручка не выступала за край.

От этого маленького движения стало противно. Невозможно было начать день, если всякую вещь требовалось заранее обезопасить от текста.

Он оделся, открыл рабочий файл и попробовал закончить четыре страницы, которые должен был привезти Надежде. В понедельник обещал собственную большую редактуру; об этих листах они договорились отдельно, ещё в среду. Тогда пятничное утро казалось свободным.

На первой странице человек возвращался к дому. На второй смотрел в окно. Вадим дважды прочёл одну и ту же фразу, не изменив ни слова.

Книга лежала в стороне, завернутая в собственную упаковку. С вечера он оставил её открытой на столе, потом испугался, что опять начнёт читать, и убрал в бумагу. Теперь упаковка мешала сильнее самого переплёта: он всё время думал, что находится под ней.

В восемь двадцать три Вадим отложил работу и развернул свёрток.

На первой странице по-прежнему была расчёска. Он прочёл до конца, затем следующие две. Вчерашние снимки совпадали с ними. Описание квартиры, имя, пятница. Дальше шёл короткий разговор по телефону.

«Надежда попросит его купить восемь лимонов. Вадим подумает, что ослышался, и переспросит число. Она ответит, что два им уже принесли и на всех этого не хватит».

Он откинулся на спинку стула.

Надежда могла попросить привезти что угодно: забытый экземпляр, распечатку, чужую зарядку. Но лимоны почему-то выглядели особенно оскорбительно. Человек, устроивший всё это, добрался до того пространства, где у Вадима не было ни загадок, ни тайной жизни. Там стояла коллега у стола и считала, хватит ли еды другим людям.

Он снял страницу. Проверил номер: восемь.

Следом описывалась его лестничная площадка. Соседка, имя которой он не знал, попросит три бельевые прищепки. Вадим скажет, что у него только пластиковые. Она ответит, что деревянные ей и не нужны.

Он прочёл это без прежнего неприятного толчка. После смерти незнакомой женщины бельевые прищепки были уже слишком явно выдуманы.

За ними начинался визит Туманова.

«В десять одиннадцать Карташов передаст ему зелёный том, завернутый в серую бумагу. Туманов возьмёт книгу обеими руками, словно она тяжелее, чем он помнил. Вадим скажет, что ждёт объяснения до вечера, и закроет дверь, не пожав протянутой руки».

Это Вадим мог написать и сам. Он действительно собирался вернуть книгу, действительно ждал объяснения и уж точно не испытывал потребности жать Роману руку.

Дальше шло несколько строк о квартире после визита. Он быстро просмотрел их, не задерживаясь, затем снял весь разворот. На всякий случай сфотографировал и страницы о соседке.

Телефон остался в руке. Вадим открыл переписку с Надеждой, начал набирать вопрос о лимонах и остановился.

Если он спросит первым, то устроит ещё одну историю с расчёской. Надежда вспомнит, что собиралась купить лимоны, попросит его, а он будет весь день решать, сбылось ли написанное. Он положил телефон экраном вниз и вернулся к рабочему файлу.

Звонок раздался через семнадцать минут.

Вадим посмотрел на имя. Надежда.

— Привет, — сказала она. — Ты к нам во сколько?

— Позже, чем хотел. Ко мне сейчас человек должен приехать.

— Но до обеда успеешь?

Он взглянул на зелёный переплёт.

— Постараюсь.

— Мне нужен срок, Вадик. У нас вечером встреча, я после двух уже никуда не денусь.

— До часу привезу.

— Спасибо. И купи, пожалуйста, лимоны. Восемь штук.

Он не ответил.

— Ты записываешь?

— Восемь?

— Да. Нам вчера два привезли. На всех не хватит. Чай есть, сахар есть, лимонов два.

Прекрасная подготовка, я считаю.

Вадим прижал телефон к уху так сильно, что стало больно.

— Надь, тебе Роман не звонил?

— Какой Роман?

— Туманов.

— Нет. А должен?

— Не знаю. Слушай, этот вопрос про лимоны...

— Не бери, если неудобно. Я закажу.

— Нет, я возьму. Кто тебя попросил?

Она помолчала.

— Я сама себя попросила. Стою на кухне, смотрю на два лимона. Мне кажется, их мало.

Что происходит?

Вадим посмотрел на снятую страницу. Снимок был сделан до звонка. Он сам его сделал. За прошедшие семнадцать минут к нему никто не входил, а Надежда не знала, что следует говорить про восемь.

Если только не врал.

Эта мысль оказалась неприятнее совпадения.

— Ко мне вчера странная работа пришла, — сказал он. — Роман прислал. С личными сведениями. Я решил, что он и тебе что-нибудь предложил.

— Мне хватает неличных. Что за сведения?

Вадим рассказал про собственное имя, квартиру и утренний разговор. О смертельном финале пока не сказал. Надежда не стала смеяться, однако сказала, что вполне могла обсуждать лимоны вчера при чужих людях. Она не помнила. В редакцию заходили трое, ещё двое были на связи.

— Только про восемь я сейчас решила, — добавила она. — Ты уверен, что там восемь? Он отправил снимок.

Надежда прочла не сразу. Слышно было, как она отвечает кому-то рядом, просит оставить коробку у стены. Потом затихла.

— А ты это когда увидел?

— До звонка.

— Время съёмки есть?

— Восемь двадцать шесть.

— Сам снимал?

Вадим закрыл глаза.

— Сам.

— Ладно. Привези и эту вещь, если не разберёшься. Посмотрим. Может, там просто какой-нибудь фокус с текстом.

Она сказала это неуверенно, и Вадим вдруг пожалел, что отправил страницу. До звонка хотя бы у одного из них было нормальное утро.

— Я всё равно лимоны куплю, — произнёс он.

— Вот с них и начни. Только не восемь, а семь. Нет, погоди. Десять возьми. Я теперь сама не понимаю, что говорю.

Он рассмеялся. Она тоже, коротко и сердито. После разговора Вадим написал на отдельном листе: «Попросила восемь. Потом десять». Ниже поставил время звонка.

Это ещё могло быть подстроено. Надежда не любила розыгрышей, но он не имел права считать собственное знание её характера физическим доказательством. Книгу могли приготовить заранее. Человек мог назвать число в разговоре и забыть. Существовали объяснения; просто каждое требовало представить знакомых людей чуть более странными, чем он привык.

В дверь позвонили в девять с небольшим.

Вадим остался сидеть.

На странице про соседку точного времени не было. Он посмотрел в глазок и увидел женщину с этажа ниже. Она держала в руке прозрачный пакет с чем-то светлым.

Вадим открыл.

— Доброе утро. Извините, можно вас на минуту? У вас прищепки найдутся?

Он смотрел на пакет. Внутри лежало сложенное полотенце.

— Сколько?

— Три. Можно даже две, но лучше три.

— У меня пластиковые.

Фраза вышла сама. Он успел узнать её только после того, как произнёс.

Соседка кивнула.

— Деревянные не надо. Я пластмассовые и ищу. У меня одна разломилась, мне бельё на сушилке прихватить.

Вадим не двигался. Женщина посмотрела на него внимательнее.

— Если заняты, я ещё спрошу.

— Нет. Подождите.

Он принёс из ванной корзинку. Прищепок было много, большинство старые, выгоревшие. Женщина выбрала три и попросила ещё одну, жёлтую, про запас. Вадим отдал.

— Романа Туманова знаете? — спросил он.

— Кого?

— Мужчина такой. Иногда ко мне приходит.

— Я откуда знаю, кто к вам приходит?

Её голос стал суше. Вадим извинился. Сказал, что ждёт человека, тот мог перепутать этаж. Соседка ответила, что к ней никто не заходил. Поблагодарила за прищепки и пошла вниз.

Он закрыл дверь, но не сразу убрал руку с замка.

Четыре вместо трёх. Совпало почти, не полностью. Пластиковые он назвал сам, потому что прочёл. Она пришла без его участия — если не считать, что он жил в этом доме, держал в ванной прищепки и иногда здоровался с соседями.

Вадим попробовал представить, как незнакомец уговаривает взрослую женщину разыграть его с бельём. Она могла согласиться. Люди соглашались на вещи нелепее. Но зачем в таком случае просить четвёртую?

Он вернулся на кухню и записал жёлтую прищепку отдельно. Рядом с двумя утренними случаями теперь стояли маленькие несоответствия, за которые хотелось ухватиться обеими руками.

Оставался третий случай.

Вадим прочёл абзац о возвращении книги, закрыл переплёт и положил сверху упаковочную бумагу.

Почему он вообще должен отдавать Роману единственную вещь, с которой можно требовать объяснения? Вчера это казалось освобождением: заберите свой нелепый заказ, оставьте меня в покое. Сегодня в книге нашлись слова Надежды. Где-то в городе женщина с его фамилией на странице боялась, что он явится без приглашения.

Роман заберёт том и скажет, что такого текста не было. Или что Вадим неправильно его понял. Фотографии останутся, но их всегда можно назвать фотографиями другого предмета.

Он взял чистый лист и написал время. Ниже: «Книгу не передавать. Сначала имя владельца и объяснение, откуда личные сведения».

Положил лист отдельно от оригинала. Походил по кухне, открыл окно, закрыл. До десяти было ещё двадцать минут.

Вадим позвонил Роману. Тот не ответил. Через минуту пришло: «Еду. Буду».

— Хорошо, — сказал Вадим пустой кухне.

Он мог отменить встречу. Написать, что передумал, не открывать дверь. Но тогда остаток дня уйдёт на ожидание нового звонка. Хотелось посмотреть человеку в лицо, когда тот объясняет, почему два разных заказчика стали персонажами одной страшной затеи.

В десять четыре Роман позвонил в домофон.

Вадим открыл подъезд. Взял зелёный том, не заворачивая. Телефон оставил в кармане, отдельный лист — на столе. Пока наверху останавливался лифт, успел пожалеть, что не попросил кого-нибудь побыть с ним. Затем разозлился: ещё вчера он не нуждался в свидетелях для разговора с Романом.

Туманов стоял за дверью в расстёгнутом пальто. В руке у него был плотный книжный пакет. Лицо выглядело мятым, словно он тоже мало спал.

— Привет. Давай сюда.

Роман протянул свободную руку. Вадим прижал книгу к боку.

— Сначала поговорим.

— Можно войти?

Он почти всегда спрашивал это уже переступая порог. Сейчас Вадим не отодвинулся, и Роман остался на площадке.

— Кто владелец?

— Вадим, я понимаю, как это выглядит.

— Тогда начни с ответа.

Туманов посмотрел на дверь напротив, понизил голос.

— Это собрание покойного человека. Там сейчас разбирают вещи. Мне дали несколько предметов на оценку.

— Кто дал?

— Человек, который занимается изданием. Я с ним работаю не первый день.

— И зовут его «человек»?

— Феликс. Беликов. Я ещё не получил от него нормального объяснения, поэтому приехал за книгой, а не в суд свидетелем.

Вадим повторил имя про себя. Он знал издательство Беликова, видел несколько выпущенных им книг. С самим Феликсом не встречался. Пока эта фамилия ничего не объясняла, зато впервые за всё время принадлежала кому-то, кроме него и незнакомой женщины.

— Почему в книге мой дом?

— Феликс говорит, что текст изменился.

Роман произнёс это быстро, с раздражением, словно пересказывал нелепую претензию покупателя.

— Был другой?

— Был другой. Потом часть страниц пустая. Теперь вот ты.

— Ты сам видел, как он менялся?

— Я видел до этого. Не то, что ты мне прислал.

— У тебя есть снимки?

Туманов вынул телефон, посмотрел на экран и убрал обратно.

— Надо найти.

— Найди.

— Вадик, я не хочу сейчас стоять на лестнице и листать всё подряд. Верни вещь. Я отвезу ему, и пусть он уже объясняет, как это сделано.

— Он объясняет, что текст изменился. Ты это только что сказал.

Роман сжал ручки пакета. Пакет был пустой, нижние углы ещё держали аккуратные заводские сгибы.

— Хорошо. Я скажу проще. Мне не нравится, что там написано. И мне не нравится, что эта книга у тебя.

— А мне не нравится, что ты собираешься её увезти.

На площадке щёлкнула дверь лифта. Роман отступил, пропуская мужчину с большим рулоном плёнки. Тот поздоровался, прошёл мимо и стал открывать квартиру в конце коридора. Вадим смотрел на рулон, на грязные следы от ботинок, на обычную утреннюю сумку у чужой ноги. Разговор должен был происходить среди всего этого. Никакой отдельной комнаты для невероятного им никто не предоставил.

— Вчера мне написала Лидия Веденеева, — сказал он.

Роман поднял глаза.

— Что написала?

— Что у неё тоже книга. С моим именем.

— Я просил её пока ни с кем не...

Туманов не закончил.

— Ты просил её не связываться со мной?

— Я просил не разносить это, пока не разобрались. Она вообще попросила, чтобы ты к ней не приезжал.

— Я к ней не собирался.

— Вот и хорошо.

Вадим ощутил, как под ладонью нагрелась ткань переплёта. Он держал книгу слишком крепко; пальцы начали неметь.

— Почему ты не сказал вчера, что она получила другую?

— Потому что вы оба уже были на взводе.

— И ты решил говорить с каждым отдельно.

— А ты бы что сделал?

Вадим посмотрел ему в лицо. Роман действительно выглядел испуганным. Это могло значить всё что угодно и не отменяло того, что он скрывал половину разговора.

— Дал бы людям поговорить друг с другом, — сказал Вадим.

Туманов выдохнул и снова протянул руку. Теперь не к книге — ладонью вверх, почти просительно.

— Слушай. Я верну тебе деньги за потраченное время. Все пятнадцать переведу сегодня, хотя никаких замечаний ты ещё не прислал. Только давай это закончим.

— Какие деньги ты вернёшь? Ты мне ещё ничего не платил.

— Оплачу. Хорошо, оплачу. Ты прекрасно понял.

Вадим достал телефон. Десять двенадцать.

Роман тоже посмотрел на экран.

— Ты куда-то опаздываешь?

— Книга останется у меня.

— Она не твоя.

— Я не говорю, что моя. Сегодня я её не отдам. Хочешь — напиши, что передал на осмотр и требуешь вернуть. Только сначала пришли, от кого она и что именно мне передали.

— Я тебе это обещал письменно вчера.

— Пришли сегодня.

Несколько секунд они молчали. Снизу доносился шум пылесоса. Роман переступил с ноги на ногу, убрал пакет подмышку.

— Ты не понимаешь, что пытаешься оставить.

— Не понимаю. Поэтому и не отдам.

Туманов отвернулся к лифту, но не ушёл сразу.

— Ничего в ней не исправляй, — сказал он. — Ни слова. И не думай, что, если будешь делать наоборот, получится безопаснее.

— Это Феликс сказал?

Роман посмотрел на него и нажал кнопку вызова.

— Я тебе позвоню.

Вадим закрыл дверь. Руку Туманов ему так и не предложил.

На кухне он положил книгу на стол и несколько раз разжал пальцы. Посмотрел на отдельный лист со своим решением. Буквы были такими же, какими он их написал за полчаса до визита.

Он снял на телефон зелёный переплёт рядом с листом. Потом открыл страницу, где Роман забирал книгу.

В десять одиннадцать Карташов передаст ему зелёный том.

Фраза оставалась на месте.

Вадим даже почувствовал облегчение. Вот. Он не передал. Сейчас десять семнадцать, и книга лежит перед ним. Если происходящее было сложной издательской шуткой, в ней нашлось место для обычного человеческого отказа.

Он дочитал абзац и заметил на полях маленькое бурое пятнышко. Вчера его не видел или не обратил внимания. Снял страницу ещё раз, вместе с пятном, затем закрыл.

Он взял телефон, открыл чат Надежды и увидел отправленную утром фотографию страницы о лимонах. Вадим сел, написал, что приедет к часу, как обещал, затем вернулся к книге. Хотел проверить, не ошибся ли номером разворота: может быть, одинаковое предложение повторялось дальше, и автор заранее предусмотрел оба исхода.

На знакомом месте теперь говорилось другое.

«После ухода Туманова Вадим останется на кухне. Он будет смотреть на книгу, положив ладонь на закрытую крышку, хотя совсем недавно держал её у открытой двери. В сообщении Лидии он напишет о встрече на нейтральном месте и снова сотрёт слово “нейтральном”: оно покажется ему слишком деловым для того, что с ними происходит».

Вадим убрал руку со страницы.

Бурое пятнышко было на том же месте. Номер страницы тоже. Изменились строки. В одном абзаце их стало на две меньше; ниже появилась пустота, которой раньше не было.

Он взял телефон и открыл снимок.

«В десять одиннадцать...»

На бумаге этой фразы не осталось.

Вадим несколько раз переводил взгляд с экрана на книгу. Сначала быстро, потом медленно, закрывая половину снимка пальцем, чтобы сравнивать по одной строке. В снимке Роман уносил том. В томе Роман уже ушёл без него.

Он пролистал назад, вперёд, вернулся. Под страницей не было второго тонкого листа, который можно было снять или переложить. Переплёт оставался тем же, тяжёлым, с потёртой серединой крышки. С утра книга была на его столе, потом в его руке у двери. Роман даже не дотронулся до неё.

Вадим вспомнил соседку и прищепки. Но последний снимок он сделал уже после ухода Романа. С тех пор никто не входил в квартиру. Сам он оставался на кухне.

Вадим положил телефон рядом и сделал новый снимок. Оба изображения сохранились. Он открыл старое снова. Оно не превратилось в новое.

Дрожь появилась в руках не сразу. Сначала просто не получилось попасть пальцем по значку письма. Вадим промахнулся, вернулся, открыл не ту фотографию. Потом положил телефон на стол и подождал, пока сможет нажать как следует.

Лидия должна это увидеть.

Он приложил два снимка к новому письму. Написал время. Коротко объяснил, что между фотографиями держал оригинал у себя и никому не отдавал.

В конце появилась фраза: «Предлагаю встретиться на нейтральном месте».

Он замер над клавиатурой.

Фраза уже была в книге. Даже намерение стереть слово было там.

Вадим оставил её целиком. Добавил: «Место выберите сами. Где есть люди». Отправил и встал так резко, что стул стукнул о стену.

Телефон зазвонил, пока он стоял у окна.

Незнакомый номер.

— Вадим Карташов? — спросила женщина.

— Да.

— Это Лидия. Я получила ваши фотографии.

Он закрыл глаза. Человеческий голос наконец-то принадлежал тому, кого до сих пор можно было только прочесть.

— У вас тоже меняется? — спросил он.

— Я пока этого не видела. Не хочу говорить, что видела, если не видела.

— Хорошо. Да. Правильно.

Его собственные слова прозвучали нелепо. Она не просила одобрения.

— Вы вчера написали, что книга зелёная, — продолжила Лидия. — На титуле есть цифра?

— Один.

— У меня два.

Вадим посмотрел на обёртку. Карандашная единица в углу, которую он уже перестал замечать.

— Роман сегодня приходил, — сказал он. — Хотел забрать.

— Забрал?

— Нет.

Она выдохнула. По телефону было невозможно понять, облегчение это или страх.

— Я могу встретиться днём, — сказала Лидия. — Только не у меня и не у вас.

— Конечно.

— Вы знаете Пикалов мост?

— Знаю.

— У моста не будем разговаривать. Там рядом есть место, где можно сесть. Я пришлю, куда прийти. В два удобно?

Он подумал о Надежде, распечатках и десяти лимонах.

— Удобно.

— И ещё. Я скажу близкому, с кем встречаюсь. Вам тоже советую.

— Я скажу.

Несколько секунд оба молчали, не заканчивая разговор. Вадим хотел спросить про последнюю страницу. Про субботу. Про то, знает ли она, что он прочёл. Но не мог выбрать первое слово, которое не будет звучать угрозой.

Лидия сказала сама:

— В моей книге написано, что я вас убью.

Он посмотрел на зелёный том.

— А в моей — что я вас.

Теперь молчание стало другим.

— Тогда начнём с того, что не будем этого делать, — произнесла Лидия.

Вадим сел на подоконник. Подвинул контейнер с расчёской, чтобы не столкнуть его на пол.

— Начнём, — сказал он.

Глава 4. Место, где есть люди

Перед выходом Лидия проверила ключи и рассердилась на себя за то, что проверяет. Утром Матвей действительно не оказался дома. Она сходила в магазин, вернулась, позавтракала — ничего из первой страницы не случилось. До разговора с Вадимом это почти успокоило её.

Теперь приходилось учитывать его фотографии.

Лидия не знала, можно ли подделать такие снимки быстро и убедительно. Наверняка можно. Она знала другое: если серый том всё это время лежал у неё, с ним можно сравнить собственные вчерашние фотографии.

За четверть часа до выхода она открыла книгу.

Фраза о забытых ключах исчезла. На первой странице говорилось о предстоящей встрече в кофейне. Лидия прочла название улицы, закрыла книгу, снова открыла. Садовая никуда не делась. Её утренний звонок описывался так, словно человек сначала послушал его, а потом решил изложить своими словами.

«Согласившись на встречу, она почувствует облегчение».

Лидия не чувствовала облегчения. Она два часа пыталась решить, не позвать ли Юрия с собой, и в конце концов только сообщила ему адрес, имя Вадима и время. Обещала написать после разговора. Юрий предложил хотя бы посидеть за соседним столиком; Лидия сказала, что пока не нужно. Он не стал спорить, но попросил держать телефон под рукой.

Она сняла первую страницу, сравнила со вчерашней и положила телефон на стол.

Ключи. Фен. Кофейня. Никакого промежуточного листа между ними не существовало. Были две фотографии одной страницы, а Лидия сама вскрывала упаковку, сама оставляла том в мастерской и сама закрывала квартиру на ночь.

Она не стала больше проверять. Сейчас любое новое открытие могло задержать её ещё на полчаса. Уложила серую книгу в чистую бумагу, затем в плотную сумку. Сверху положила тонкую папку с листами для записей. Решила, что этого достаточно, передумала и взяла маленькую линейку.

На улице было холоднее, чем казалось из окна. Лидия застегнула куртку до горла и пошла вдоль канала. Ветер тянул со стороны воды, забирался под край шарфа. На Пикаловом мосту остановилась пара с телефоном: мужчина отходил всё дальше, чтобы женщина целиком поместилась в кадр. Она звала его обратно и показывала, где надо встать.

Лидия прошла мимо, не дожидаясь, пока они договорятся. У соединения каналов всегда кто-нибудь пытался уместить в один снимок больше, чем получалось. Сегодня ей особенно не хотелось стоять среди чужих попыток сохранить хороший день.

До кофейни на Садовой она дошла раньше назначенного. Выбрала стол у стены, откуда было видно вход. Потом заметила, что рядом висит зеркало и часть зала всё равно остаётся у неё за спиной. Пересела.

Девушка за стойкой подняла глаза.

— Вам там дует, если дверь открывают.

— Ничего.

— Можно вот здесь. Этот стол свободный.

Лидия посмотрела на предложенное место. Оттуда тоже было видно дверь, зато не приходилось сидеть боком к проходу.

— Спасибо.

Она пересела ещё раз и заказала чай. Сумку поставила между ног, не на соседний стул. Над стойкой мелом написали названия супов. Один из них уже вычеркнули. За дальним сто-

ликом женщина уговаривала маленькую девочку попробовать сырник; девочка медленно снимала с него сметану ложкой.

Когда Вадим вошёл, Лидия поняла, что узнала его не по лицу, а по сумке. Он держал её слишком близко к себе и оглядел столы, прежде чем снять с плеча ремень.

На сайте редактор выглядел спокойнее. Наверное, его фотографировали не после бессонной ночи. Сейчас под глазами были тени, волосы у виска торчали, словно он несколько раз приглаживал их мокрой рукой и каждый раз бросал на середине. Он увидел Лидию, задержался у стойки и спросил у неё взглядом, можно ли подходить.

Она кивнула.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Вадим поставил сумку рядом со стулом, но не сел сразу.

— Я Вадим, — сказал он и поморщился. — Это, наверное, уже лишнее.

— Лишнего у нас пока немного. Садитесь.

Он снял пальто. Зацепился подкладкой за угол стула, осторожно освободил ткань. Лидия следила за его руками и знала, что это заметно. Вадим, по-видимому, тоже заметил: положил обе ладони на стол и больше ничего ими не делал.

— Вы давно здесь?

— Минут десять.

— Я не опоздал?

— Нет. Я рано пришла.

Пауза длилась слишком долго. За стойкой заработала кофемолка. Лидия дождалась, пока шум закончится, и сказала:

— Я думала, вы будете моложе.

Вадим посмотрел на неё с таким удивлением, что она почти улыбнулась.

— Почему?

— На фотографии вы моложе.

— Там фотография старая. Я всё собираюсь попросить заменить.

— Попросите.

— Теперь обязательно.

Он убрал руки со стола, и Лидия ощутила облегчение, которого не нашла в себе по телефону. Сидящий напротив человек перестал пытаться изображать, что не опасен. Он просто неудачно получился на старой фотографии.

Вадим заказал кофе и сэндвич. Спросил, не хочет ли она тоже что-нибудь поесть. Лидия отказалась, потом увидела, как девушка разрезает за стойкой хлеб, и пожалела. Завтрак был давно.

— Вы кому-нибудь сказали, куда идёте? — спросила она.

— Коллеге. Я был у неё перед этим. Показал снимки.

— Какие?

Он понял не сразу, затем ответил точнее:

— Утренние. И последнюю страницу. Ту, которая про вас. Она знает адрес, ваше имя и что я должен позвонить после встречи.

Лидия кивнула. Ей не нравилось, что незнакомая женщина уже читала о её смерти, но требовать одновременно свидетелей и полной тайны было бы глупо.

— Я сказала бывшему мужу.

Вадим посмотрел на её левую руку. Быстро отвёл глаза.

— Хорошо, — произнёс он.

— Это не оценка семейного положения. Просто чтобы вы знали.

— Я понял. Извините.

Он опять собирался запутаться в объяснениях, и Лидия достала книгу, освобождая их обоих от разговора. Положила на стол бумагу, на неё — серый том.

Вадим принёс зелёный.

Рядом они оказались похожи сильнее, чем на фотографиях. Не цветом — пропорциями, толщиной крышек, тем, как линия корешка слегка уходила у нижнего края. Лидия придвинула зелёный поближе, остановилась и подняла глаза.

— Можно?

— Конечно.

— Я только посмотрю. Ничего разбирать здесь не буду.

Вадим раскрыл книгу и попытался придержать её ладонью у сгиба. Лидия невольно потянулась остановить его. Он сразу убрал руку.

Они посмотрели друг на друга.

— Переплёт, — сказала она. — Не давите вот здесь. Он плохо открывается.

— А. Да. Простите.

— Вы уже второй раз извинились.

— Могу перестать.

— Лучше помогите. Подложите папку с этой стороны.

Он сделал, как она попросила. Книга легла удобнее. Лидия увидела тот же характер повреждения у одного из сгибов, похожую бумагу, одинаково широкие поля. Этого было недостаточно, чтобы объявлять тома частями одного издания. Но случайными соседями по полке они уже не казались.

Она сказала именно это.

— А возраст? — спросил Вадим.

— По фотографии я вам его не скажу. И по пяти минутам за столом тоже. Что-то можно увидеть, но пока не надо превращать каждую потёртость в дату.

Вадим слушал, не перебивая. Лидия отметила это с неохотой: ей пока не хотелось, чтобы он нравился хотя бы способом слушать.

Девушка принесла кофе и тарелку. Вадим торопливо поднял локоть, освобождая место. Лидия прикрыла оба тома и передвинула их подальше от чашки.

— Давайте сначала поедим, — сказала она.

— Мы только начали.

— Вы есть хотите. Я тоже. А я не люблю держать книгу рядом с горячим кофе.

Он посмотрел на сэндвич.

— Я могу половину...

— Не надо. Я закажу.

Она попросила себе такой же. Девушка сказала, что курица закончилась, остался сыр. Лидия согласилась на сыр. Пока готовили, Вадим откусил слишком большой кусок и попытался одновременно убрать выпавший салат. Она отвернулась к окну, чтобы ему не пришлось извиняться в третий раз.

Они ели почти молча. Выяснилось, что Вадим успел привезти Надежде десять лимонов и распечатку, но не сумел объяснить, почему так дорожит чеком из магазина. Снимок страницы у неё остался. Лидия рассказала, что её утреннее предсказание вообще не сбылось: сын ночевал у отца по старой договорённости.

— А теперь? — спросил он.

— Теперь там про нашу встречу.

Вадим перестал жевать.

— Вы же утром сказали...

— Утром я ещё не сравнивала. Посмотрела перед выходом. Вот.

Она показала два снимка. Вадим вытер пальцы салфеткой, прежде чем взять телефон. Не листал дальше, чем она открыла. Рассмотрел первую страницу, вернул.

— Я написал в письме то же самое, что там было, — сказал он. — Не специально. Просто начал писать, а потом заметил. Одно слово оставил, хотя в книге собирался стереть.

— И что?

— Ничего. Письмо ушло со словом.

— Это уже неплохо.

Лидия понимала, как бедно звучит такое утешение, однако лучшего у неё не было. Вадим доел, сложил салфетку на пустую тарелку. Она подождала, пока со стола уберут посуду, и открыла серый том на нужном развороте.

— Здесь.

Ей не хотелось смотреть, как он читает собственную смерть. Она повернулась к окну, но почти сразу снова взглянула на Вадима. Он читал не так, как обычный человек. Сначала быстро прошёл до конца, потом вернулся к предыдущей странице, задержался на нескольких строках и только после этого поднял глаза.

— У вас нож для работы?

— Несколько. Но я не понимаю, о каком здесь речь.

— Здесь до этого написано, что я пришёл за серой книгой.

— Да.

— А я даже не знал, что она серая, пока вы не сказали.

Лидия посмотрела на текст. Она тоже читала предыдущую страницу. Там Карташов возвращался после короткого ухода и требовал отдать ему том. Причину ухода автор обозначил одним предложением: мужчина хотел позвонить и вышел, чтобы его не слышали.

— Вы можете передумать, — сказала она.

Вадим не стал сразу возражать. Это тоже оказалось лучше, чем возмущение собственной предполагаемой порядочностью.

— Могу, — ответил он наконец. — Сейчас я этого не хочу. И забирать вашу книгу не собираюсь.

— Хорошо.

— В моей вы тоже думаете, что я пришёл за книгой.

Он подвинул зелёный том. Лидия вымыла руки в маленьком туалете у дальней стены, дождалась, пока кожа совсем высохнет, и вернулась к столу. Ей требовалась эта короткая передышка. Серый том лежал раскрытым на той же опоре, как она его оставила.

На странице перед последней сценой Лидия обнаружила себя у стола. Та женщина закрывала зелёный том ладонью, не позволяла его взять. Вадим говорил, что надо вынуть один лист. Она отказывалась.

— Зачем вам вынимать лист? — спросила Лидия.

— Не знаю.

— У вас этого нет раньше?

— Есть. Что я решил проверить, сохранится ли текст отдельно. Но я пока ничего такого не решал.

Лидия вернулась на предыдущий разворот и прочла сама. Действительно, в чужом рассказе Карташов собирался провести такую проверку. Его намерение сообщалось как готовое объяснение поступка, без сомнений и оговорок. Лидия не могла узнать, придумал ли Вадим опыт только что, увидев страницу, или эта мысль уже приходила ему раньше. Ему тоже неоткуда было узнать, правду ли она говорит о своей книге.

Она дошла до строки с собственным именем, затем до ножа на столе.

Читать о себе было хуже, чем о нём. Она заранее знала, чем заканчивается абзац, но всё равно задержалась на словах о телефоне. Представила, как лежит у своей полки и ждёт, пока человек напротив решит позвать помощь.

— Почему вы не звоните сразу? — спросила она.

Вадим смотрел на её руки.

— Не знаю.

— Это ведь самое простое.

— Лидия, я не делал этого.

Она подняла голову. Он не оправдывался; кажется, просто не знал, каким ещё образом вернуть разговор к тому, что действительно произошло.

Лидия закрыла обе книги.

— Да. Простите.

Теперь извинилась она. Вадим не стал считать.

За соседним столом девочка наконец съела сырник и потребовала ещё один. Женщина сказала, что второй уже не поместится. Девочка настаивала: место появилось, потому что первый перестал быть сырником. Лидия неожиданно для себя улыбнулась.

Вадим обернулся на детский голос, потом посмотрел на неё. На мгновение стало возможно представить, что их познакомили по обычному делу: он готовит книгу, ей нужно посмотреть иллюстрации, разговор затянулся до обеда. Что они могут закончить, обменяться телефонами и больше никогда не встретиться.

— Завтра суббота, — сказал он.

Лидия кивнула.

— Мне не надо к вам приходить.

— Не надо.

— Вообще. Что бы ни было написано.

Она потянулась к своему телефону, открыла записку.

— Давайте договоримся сейчас, пока мы ещё не придумали, что нас заставляет. Вы не приходите ко мне домой. Я не прихожу к вам. Книги остаются у каждого свои. Если кто-то захочет что-нибудь сделать с другим томом, сначала спрашивает.

— Согласен.

— Если сообщение от моего имени будет противоречить этому разговору, вы звоните мне. Не решаете, что я передумала.

Вадим достал собственный телефон.

— Давайте я сейчас позвоню, чтобы вы сохранили номер.

Он набрал. Телефон Лидии завибрировал у неё в ладони. Вадим завершил вызов и убрал свой телефон в карман, пока она сохраняла контакт. Лидия позвонила в ответ. Из его кармана послышалась короткая мелодия.

Обычная проверка неожиданно успокоила сильнее, чем взаимное обещание не убивать друг друга.

— И от меня тоже, — добавил Вадим. — Если придёт странное сообщение, перезвоните. Лучше показаться подозрительной, чем угадывать.

Лидия записала. Повернула экран к нему, чтобы он прочёл. Вадим попросил добавить: никаких опытов с оригиналом без снимка до начала. Она добавила, хотя пока не представляла, какие опыты готова проводить с этой вещью.

— Может быть, вообще вернуть? — спросила она. — Сфотографировать и отдать Туманову. Пусть разбирается владелец.

— Кто тогда скажет нам, что там написано дальше?

— А зачем нам обязательно знать?

Вадим открыл рот и замолчал.

Лидии понравилось, что он не нашёл ответ немедленно. Она сама всю дорогу хотела знать, что будет дальше, и считала это единственно разумным желанием. Сейчас, произнеся вопрос вслух, уже не была уверена.

— Я боюсь отдать, — сказал он. — Если честно, вот и вся причина. Боюсь, что кто-то продолжит это без нас, а мы не сможем посмотреть.

— Вы считаете, что там продолжают писать?

— Я не знаю, как ещё это назвать.

Она провела пальцем по краю своей папки.

— Я боюсь оставить. Но сегодня давайте пока не отдавать. Хотя бы узнаем, от кого пришло.

— Роман назвал человека. Феликс Беликов, издатель.

Фамилия была Лидии знакома. В прошлом году ей приносили книгу, для которой требовалось подготовить несколько изображений старого переплёта. Роман тогда тоже был посредником; заказчик отвечал долго, но заплатил без спора.

— У меня, кажется, есть его почта, — сказала она. — Осталась в переписке по фотографиям.

Вадим посмотрел на неё внимательнее.

— Вы с ним встречались?

— Нет. И никогда не работала у него. Мы обменялись несколькими письмами.

Она нашла переписку. В подписи был телефон. Лидия показала его Вадиму.

— Позвоним вместе?

Он согласился.

Беликов не ответил. После нескольких гудков включилось обычное сообщение о невозможности принять вызов. Лидия не стала звонить снова. Написала ему с прежнего рабочего адреса, указала, что сидит вместе с Вадимом Карташовым и они оба хотят понять, что за книги получили. Попросила связаться сегодня. Прикрепила фотографию двух переплётов рядом, без открытых страниц.

— Отправлено, — сказала она.

Вадим надел очки, посмотрел ещё раз на лежащие перед ними тома.

— У меня уже есть желание спросить, написано ли там, что он ответит.

— У меня тоже.

Они не открыли книг.

Лидия написала Юрию, что всё в порядке, человек настоящий, разговаривают. Вадим отошёл к двери и позвонил своей коллеге. Она слышала только начало: «Я живой. Да. Она тоже». Потом он понизил голос.

Пока его не было, Лидия завернула серый том. Зелёный оставила на папке. Посмотрела на бумагу, в которую Вадим принёс его: одна сторона была надорвана у края. По привычке сложила её так, чтобы надрыв не продолжился.

Он вернулся и сразу заметил.

— Спасибо.

— Это бумага, не реставрация.

— Всё равно.

Вадим убрал книгу в сумку, проверил, не забыл ли телефон. Лидия расплатилась за свой чай и сэндвич. Он начал было предлагать, что заплатит за всё, но увидел её карту в руке и остановился.

На улице ветер стал сильнее. Лидия придержала дверь, пока Вадим выходил, затем они несколько секунд стояли рядом, не зная, следует ли теперь прощаться. Встреча закончилась, а дело, ради которого они пришли, осталось у каждого в сумке.

— Мне надо пройти, — сказала она.

— Я могу...

— Можете. Только до канала. Дальше я пойду сама.

Он кивнул.

У перехода загорелся красный. Они остановились, пропуская машины. Вадим встал с той стороны, откуда дуло, и поднял воротник пальто. Лидия заметила, что свободной рукой он без конца поправляет очки в кармане, проверяет, на месте ли они. Не книгу. Очки.

Она перестала следить за его руками.

Глава 5. До завтра

У канала они разошлись почти без слов. Вадим спросил, когда можно позвонить, и Лидия ответила: вечером, только сначала написать. Он не обиделся, не стал объяснять, что не собирается надоедать. Это было хорошо. Сегодня она уже устала объяснять людям, чего они не собираются делать.

Дома пахло нагретой пылью. Утром Лидия прикрутила батарею в мастерской, теперь открыла форточку и поставила сумку на свободный стул. За время её отсутствия край тонкой бумаги, прижатый небольшим грузом, просох. Она подняла груз, посмотрела на соединение и впервые за день увидела результат, который не требовал ничего угадывать.

Край держался. Исправлять было не нужно.

На телефоне ждали два сообщения Аллы: размер подставки, которую подготовили для атласа, и вопрос о том, насколько широко его можно будет раскрыть. Лидия ответила сразу, сняла нужный разворот рядом с линейкой. Держать старую вещь в раскрытом положении долго ей не нравилось; она написала об этом без извинений и предложила показать другую карту, если подставку уже нельзя изменить.

Алла поблагодарила. Спросила, всё ли остаётся в силе на двадцать девятое.

«Да», — ответила Лидия.

Слово получилось коротким и настоящим. Человек ждал от неё работу к определённому дню. Не объяснение устройства мира.

Она вернула атлас на место и распаковала серую книгу.

Тонкая нитка у задней крышки выступала той же петлёй. Лидия сняла её крупно, потом весь корешок. Ещё в кофейне ей хотелось сказать Вадиму, что такая вещь не может перестроить себя без следа. Теперь она была рада, что не сказала. За последние сутки он уже слишком много раз слышал уверенные ответы людей, которым просто хотелось поскорее закончить разговор.

Лидия подложила под крышки сложенную чистую ткань. Посмотрела на бумагу в косом свете от настольной лампы. На одном листе, ближе к внешнему краю, была короткая волнистая складка, не расправленная при переплёте. На другом — тёмное вкрапление размером с точку. Ничего особенного. В обычный день она записала бы это при осмотре и пошла дальше.

Она не искала спрятанный экран. Бумага была бумагой: гнулась, отбрасывала тень, поднималась от движения воздуха. От этого становилось хуже. Будь внутри тонкий прибор, она хотя бы знала бы, какого человека позвать.

Телефон зазвонил, когда Лидия ещё держала лист за угол.

Номер был сохранён из старой переписки. Беликов.

Она положила лист, прикрыла книгу и ответила.

— Лидия? Феликс Беликов. Простите, я только сейчас увидел письмо.

Голос оказался моложе, чем она ожидала. Из прошлогодних сообщений складывался пожилой раздражительный человек, который каждый раз просит выслать счёт ещё раз. Этот говорил быстро и довольно мягко.

— Вы понимаете, о каких книгах я написала?

— Да. Роман успел позвонить.

— Тогда начнём с того, что он вам сказал.

Беликов помолчал. Она слышала, как рядом с ним что-то передвинули по столу.

— Что в тексте оказались ваши личные обстоятельства. Что вы напуганы. И что Карташов утром не отдал ему экземпляр.

— Там написано, что завтра я убью этого человека. У него — что он убьёт меня. Роман вам передал?

— Передал.

— Почему вы не начали с этого?

— Потому что не знал, какие слова сейчас будут уместны.

Это было похоже на правду, но Лидии от неё ничего не прибавилось.

— Вы их напечатали?

— Нет.

— Заказали кому-то?

— Нет. Они достались мне вместе с частью собрания Леонида Осокина. Он умер в сентябре. Я покупал совсем другие вещи; эти были в общей описи.

Лидия записала имя на отдельном листке. Ручка царапала бумагу: после работы с карандашами она всегда слишком сильно нажимала на шарик.

— Откуда там наши имена?

— Я пока не могу вам это объяснить.

— Не можете или не хотите?

— Не могу так, чтобы вы мне поверили.

— Попробуйте. У меня уже было довольно необычное утро.

Он выдохнул. Теперь рядом с ним стало тихо.

— На некоторых страницах был другой текст. Когда книги привезли. Это всё, в чём я уверен.

— Роман сказал примерно то же самое. Есть фотографии?

— Он должен посмотреть у себя. Я просил.

— А у вас?

— У меня подходящих нет.

Лидия увидела у лампы крошечный волосок и сняла его с ткани. Хотелось занять руки, чтобы не перебивать.

— Вы же издатель. Почему вам понадобилось отдать совершенно неизвестные книги двум людям, если вы не знаете ни автора, ни происхождения текста?

— Карташов должен был оценить литературную часть. Вы — состояние. Я не поручал ни ему, ни вам выяснять происхождение.

— Теперь придётся.

— Я понимаю.

— Нет, пока не похоже.

Она ждала, что он разозлится, заговорит о чужой собственности или начнёт убеждать её в несерьёзности происходящего. Вместо этого Беликов спросил:

— Вы сейчас одна?

Лидия отодвинула стул.

— Зачем вам это знать?

— Чтобы вы не оставались с этим одна. Это не вопрос об адресе. Я не собираюсь к вам ехать. Роман сказал, у вас сын.

— Сына не нужно обсуждать.

— Хорошо. Простите.

Она поднялась и подошла к двери мастерской. В квартире было тихо. Матвей ещё не вернулся.

— Я могу завтра встретиться с вами обоими, — сказал Беликов. — В любом месте, которое выберете. Заберу вещи, возьму потраченное время. Не через Романа. Сам.

— А что будет с тем, что уже написано?

— Не знаю.

— Тогда забирать пока нечего. И завтра мы с вами никуда вместе не пойдём. Я сначала поговорю с Вадимом.

Произнести его имя без отчества оказалось легче, чем в кофейне.

— Вы ему покажете наш разговор?

— Я не записывала. Перескажу. Вы можете сказать ему то же самое сами.

— Могу.

— Скажите. И пришлите мне имя Осокина письменно. То, что можно показать о получении книг. Не обещание объяснить позже.

— Хорошо.

Лидия посмотрела на серую крышку.

— У вас есть ещё такая книга?

Он ответил не сразу.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что на моей цифра два.

— У вас с Карташовым два экземпляра из этой партии.

— Я спросила не это. Третий есть?

— Нет.

Она записала короткое «нет» рядом с фамилией Осокина.

— Больше не посылайте никого без согласования.

— Не буду. И, Лидия... Пока ничего там не исправляйте. Даже если кажется, что нашли опечатку.

— Откуда это предупреждение?

— Я не знаю, что произойдёт. Поэтому и прошу.

— Я тоже не знаю, что произойдёт, если ничего не делать.

На это он не ответил. Они попрощались.

Через три минуты пришло письмо. Леонид Аркадьевич Осокин, дата смерти — восьмое сентября. Ни свидетельства, ни фотографии прежнего текста Беликов не приложил. Написал, что документы о продаже находятся не у него дома, сможет прислать выписку в воскресенье. Дальше шли две строчки: работа Лидии остановлена по его просьбе, платить за диагностику он не отказывается.

Она переслала письмо Вадиму, дописав, что Беликов только что звонил, отрицает существование третьей книги и просит не делать пометок. Остальное расскажет после возвращения сына.

Потом посмотрела на часы. Матвей должен был быть дома уже полчаса назад.

Лидия набрала его номер.

— Я иду, — сказал он вместо приветствия.

— Откуда?

— Из магазина.

— Ты написал, что после занятий домой.

— А я куда иду?

— Матвей, я просто спрашиваю.

— Переходник покупал. Тот, что у папы, не подходит.

В обычный день на этом разговор закончился бы. Она спросила бы, нужны ли деньги, он ответил бы, что разобрался. Сегодня Лидия слышала себя со стороны, как будто уже стояла рядом с другой женщиной, которая звонит сыну каждые десять минут.

— Долго ещё?

— Минут семь. Ты чего?

— Ничего. Дойди.

Она вернулась к столу, раскрыла серую книгу ближе к концу. Не на том развороте, где был нож: перед ним. Ей хотелось проверить дату, найти время, что-нибудь, по чему можно

было бы отделить опасный час от остальных двадцати трёх. Из-за этого желания палыцы стали неловкими.

В середине страницы стояло имя сына.

«Она не станет объяснять Матвею, что именно прочла. Просто скажет, что в субботу он остаётся дома. Матвей спросит, зачем она разрешала ему договариваться. Лидия ответит, что обстоятельства изменились».

Она перечитала. Ниже было короткое описание коридора и утренней ссоры. Дальше вновь начинался чужой человек в её мастерской.

Лидия сделала фотографию. Вместе с текстом в кадр попала волнистая складка у края.

За дверью звякнули ключи.

Она успела закрыть книгу до того, как Матвей вошёл. Он держал маленький прозрачный пакет; в другой руке была булка, которую ему, видимо, стало жалко оставлять недоеденной на улице.

— Привет, — сказал он.

— Руки помой.

— Я не проносил булку мимо бактерий тайком. Я ел её на улице.

— Тем более.

Он улыбнулся и пошёл в ванную. Лидия оставила закрытую книгу на столе. Заметила, что придерживает её ладонью, хотя никто не пытался взять.

Когда сын вернулся, она спросила:

— Ты можешь завтра не идти?

Улыбка пропала.

— Куда?

— На эту работу.

— Зачем?

Лидия посмотрела на прозрачный пакет у него в руке. Внутри лежала короткая металлическая деталь. Он купил её сам, выбрал, проверил, потратил какие-то свои деньги. Вчера она думала, что он не способен вовремя отправить адрес. Сегодня он собирался делать то, чего не умела она.

— У меня неприятность, — сказала Лидия. — С книгой, которую вчера привезли.

Матвей перевёл взгляд на стол.

— Папа сказал.

— Что сказал?

— Что тебе прислали гадость. Что там наши имена и вроде угроза. Он хотел приехать, но ты сказала не надо.

Юрий всё-таки поговорил с ним. Хорошо, что поговорил; плохо, что она сама собиралась сказать «обстоятельства изменились».

— Не вроде, — произнесла она. — Там описано убийство. И я узнала нашу комнату. Мне страшно, Матвей.

Он сжал пакет. Пластик сухо хрустнул.

— Нас кто-то ищет?

— Я не знаю. Никто не приходил, не требовал денег. Человек, который договорился о доставке, мне знаком. Отправитель сегодня позвонил. Они говорят, что сами не понимают.

— Ты им веришь?

— Не во всём.

— А в полицию?

— Если кто-то придёт, будет угрожать — я сразу позвоню. Сейчас у меня бумага, на которой описано то, чего не было. Я сохранила её и все сообщения. Юра знает, от кого она.

— Можно посмотреть?

Лидия чуть не сказала «нет». Вместо этого убрала ладонь с переплёта.

— Там очень неприятно. Я бы не хотела, чтобы ты читал, как я... как это происходит. Но не потому, что тебе ничего нельзя знать.

Матвей не протянул руку. Сел на край свободного стула, возле её сумки.

— А сидеть дома я зачем должен?

Она уже открыла рот. Остановилась.

Дома стоял описанный на странице стол. Дома лежала сама книга. Именно сюда, если верить написанному, должен был прийти незнакомый её сыну человек. Она собиралась отменить Матвею вечер, чтобы видеть его рядом с опасностью, от которой боялась отвернуться.

— Незачем, — сказала Лидия.

Он не сразу понял.

— Я неправильно спросила. Мне спокойнее, когда ты рядом. Это не значит, что так безопаснее тебе.

— Я могу у папы остаться.

— Ты ведь хотел домой.

— Хотел. Я и пришёл домой. В воскресенье вернусь.

Она почувствовала обиду, такую детскую и неуместную, что даже не сумела спрятать лицо. Сын увидел.

— Мам, я не сбегаю от тебя.

— Я знаю.

— Не похоже.

Лидия подняла свою сумку и поставила на пол возле стула, чтобы он мог сесть нормально.

— Давай позвоним папе. Если он может забрать тебя сегодня и после работы завтра, мне правда будет спокойнее. А я завтра останусь дома и поработаю. Никого сюда не приглашу.

— Ты одна останешься?

— Да. Но я буду звонить вам. И ещё человеку, который тоже получил такую вещь.

— Ему тоже страшно?

Она вспомнила, как Вадим проверял очки в кармане.

— Да.

Матвей вынул переходник, повертел в пальцах и вдруг протянул ей.

— Держи. А то уроню.

Он достал телефон, сам позвонил Юрию и объяснил новый план. Потом передал трубку матери. Юрий был в дороге, но сказал, что вечером приедет. Не спросил, почему она снова передумала. Спросил, нужно ли что-нибудь привезти к ужину.

— Хлеб, — ответила Лидия. — И приходи сам, не жди внизу. Мне нужна помощь.

Матвей взял у неё переходник только после звонка. Лидия заметила, что на ладони остался круглый след от металла. Всё это время она сжимала его так, будто ей действительно поручили нечто важное.

Он ушёл собирать другую футболку. Она снова открыла книгу.

Абзац о запрете оставался на месте.

На секунду Лидия испытала облегчение: вот, ничего не изменилось. Обычный текст о том, чего она не сделала. Он может лежать здесь и завтра, и через год.

Но завтра она всё ещё могла передумать. Позвонить Юрию, вернуть сына, сказать, что обстоятельства опять изменились. Ей хотелось получить доказательство собственной свободы немедленно, а доказательством была бы только прожитая суббота.

Она сняла разворот ещё раз и положила рядом с книгой телефон. На отдельном листе записала: «Пятница. После разговора с Матвеем. Запрет в тексте остаётся». Ни одного слова в самом оригинале.

Из коридора сын крикнул:

— У нас есть чёрная футболка без надписей?

— В сушилке посмотри.

— Эта с надписью.

— Выверни.

Он помолчал.

— Это даже умно.

Лидия засмеялась. Смех вышел слишком громким. Матвей заглянул в мастерскую, убедился, что всё в порядке, и ушёл за футболкой.

Она прикрыла книгу, не снимая со стола. Дождалась, пока из коридора донесётся шум открываемого шкафа, и опять подняла крышку.

Там, где было «обстоятельства изменились», стояли другие слова.

Лидия не сразу сумела их прочесть. Сначала посмотрела на складку. Та же, возле внешнего края. На тёмную точку в бумаге. На собственную руку, которая держала нижний угол.

Теперь текст сообщал, что Матвей предложит остаться у отца. Дальше — что Лидия почувствует облегчение и будет благодарна ему за взрослое решение.

Она не была благодарна. Она испугалась ещё сильнее и обиделась на несколько секунд, а потом устыдилась. Никакого взрослого согласия в ней не произошло. Только сын оказался способен спросить, зачем она его удерживает.

Лидия подняла телефон. На первом и втором снимках оставался прежний запрет.

Она хотела позвать Матвея. Его имя уже поднялось к горлу. Потом она посмотрела на дверь: оттуда виднелся кусок футболки, перекинутой через спинку стула в его комнате. Сын не обязан был доказывать ей, что видит то же самое.

Лидия сняла новый разворот. Положила телефон рядом с книгой, увеличила старый снимок и по очереди сопоставила слова, номера, складку. Не стала обещать себе, что исключила всё возможное. Когда говорила с сыном, книга лежала закрытой, она на неё не смотрела. Но Матвей сидел перед ней. После его ухода к столу никто не подходил. Она сама открыла эту страницу, сама прочла прежний абзац, закрыла на время нескольких реплик и снова открыла. Между этими двумя чтениями её рука оставалась на крышке.

Она знала, какая бумага сейчас находится под пальцами.

Вадиму Лидия написала только: «Изменилось при мне. Я не уходила от стола. Отправлю три фото. Можно позвонить через десять минут?»

Он ответил почти сразу: «Да».

Пока шла отправка, она сидела очень прямо. Как на приёме, где человеку сейчас скажут результат, а он не должен выдать, что уже всё понял по лицу врача.

Текст о завтрашнем ноже был дальше. Лидия не стала проверять его снова.

Юрий приехал после восьми. Принёс хлеб и пакет маленьких помидоров, потому что, по его словам, покупать один хлеб было уныло. Матвей сообщил, что на работе, вероятно, дадут поесть, но это не точно, поэтому сейчас он тоже не против.

Они втроем ужинали на кухне. Юрий придвинул стул к стене, как делал, когда жил здесь; потом заметил, что с тех пор там появился узкий шкаф, и сел иначе. Лидия поймала себя на том, что следит за ним внимательнее, чем за сыном. Слишком много лет они прожили вместе, чтобы его неловкость выглядела посторонней.

Про книгу при Матвее больше не говорили. Обсудили площадку, Дениса, кто повезёт обратно тяжёлые вещи. Оказалось, сыну никто не поручал грузить большие ящики одному. Лидия постаралась не сказать, что рада этому: он бы услышал ещё одну попытку заранее защитить его от любой обязанности.

Когда Матвей ушёл за сумкой, она попросила Юрия зайти в мастерскую.

Он остановился у порога.

— Вот здесь? — спросил он.

— Что?

— Это место было описано?

Лидия кивнула.

Он посмотрел на полку, окно, стол. Ни один предмет не выглядел опасным без знания о странице.

— Я могу всё-таки остаться, — сказал Юрий.

— Ты обещал Матвею. И я не хочу, чтобы он подумал, будто у нас сейчас начнётся что-нибудь...

Она не договорила. Юрий понял слишком быстро.

— Не начнётся. Я говорю переночевать.

— Я знаю. Прости.

Он убрал руки в карманы.

Лидия открыла ящик стола. Внутри лежали убранные вчера ножи. Она разложила их в чехлы, достала из шкафа небольшой жёсткий футляр для инструмента. Юрий молча придерживал крышку.

— Забери до воскресенья, пожалуйста.

— Тебе же работать.

— Завтра буду делать то, для чего они не нужны.

Он посмотрел на неё, но спорить не стал. Когда футляр закрылся, поднёс его к уху и слегка качнул. Внутри ничего не стукнуло.

— Положу у себя в верхний шкаф. Матвей не полезет. Утром в воскресенье привезу, если скажешь.

— Хорошо.

— Кухонные тоже забрать?

Лидия покачала головой.

— Юр, я не думаю, что ножи сами на кого-нибудь нападут. Я не хочу, чтобы под рукой оказался тот самый инструмент, если я опять начну делать что-то от страха. Но завтра здесь никого не будет.

Он не сказал, что это глупость. Только спросил:

— Ты дверь человеку из книги не откроешь?

— Мы договорились не приходить друг к другу.

— А если передумаете?

— Я позвоню тебе раньше, чем передумаю окончательно.

Юрий поднял футляр.

— Вот это мне понятнее.

Перед уходом Матвей обнял её одной рукой, второй держал сумку. Потом, как будто ему показалось мало, поставил сумку и обнял нормально.

— Я после окончания напишу. Если задержимся, тоже.

— Договорились.

— Только не спрашивай каждые двадцать минут, закончились ли мы.

— Постараюсь каждые тридцать.

Он улыбнулся. Юрий стоял на площадке с хлебным пакетом, который взял вместо пустой сумки, и футляром под мышкой. Это сочетание почему-то успокоило Лидию: ни на что напечатанное оно не было похоже.

Они ушли. Она закрыла оба замка, дождалась сообщения Юрия «В машине» и только тогда позвонила Вадиму.

До этого они успели коротко поговорить о фотографиях. Он подтвердил, что видит разные абзацы; не стал просить снять ещё сто страниц и доказать ему, что дело не в ракурсе. Она пересказала звонок Беликова. Вадим сказал, что тот набрал и ему, повторил историю Осокина,

предложил забрать том, признал, что не знает, поможет ли это. Отдельно обещал добиться оплаты от Романа.

Теперь Вадим взял трубку после первого гудка.

— Всё хорошо?

— Пока да. Сын уехал к отцу. Инструменты тоже. Завтра я остаюсь дома. Вы ко мне не идёте.

— Не иду. Адреса у меня нет, но даже если будет — не иду.

Лидия села на нижнюю ступеньку стремянки, которой пользовалась у высокой полки. Возвращаться за рабочий стол не хотелось. Отсюда книга была видна только с торца.

— У вас есть планы на завтра? — спросила она.

— Теперь главным образом не идти к вам.

— Кроме этого.

— Работа. К понедельнику. Не та, что я сегодня возил. Большая.

— Сможете?

— Не знаю. Попробую. Надежда сказала, что после обеда может прийти. У неё своя правка.

— Она знает почему?

— Да. Я не приглашал её под видом литературного вечера.

Лидия улыбнулась.

— Давайте созвонимся утром. В десять. Потом в шесть.

— И вечером?

Она слышала, что он хочет спросить о полуночи.

— После двенадцати тоже, — сказала она. — Если вам нужно.

— Нужно.

Они помолчали. В квартире шумела вода у соседей. Из труб доносился тонкий звук, который Лидия давно научилась не замечать и теперь вдруг услышала отдельно от всего остального.

— Я не знаю, что делать с воскресеньем, — признался Вадим.

— В каком смысле?

— Я весь день думаю только о завтра. Как будто после него ничего не предусмотрено.

Лидия посмотрела на раскрытый атлас под рабочей тканью. На подоконнике лежала деталь старого футляра, которую она обещала подобрать по цвету. В понедельник нужно было купить ещё бумаги. До среды — ответить женщине, которая всё никак не могла решиться отдать дедовские тетради.

— У меня в воскресенье много дел, — сказала она. — Можете пока считать, что у вас тоже.

— Каких?

— Одолжу, если своих не найдёте.

Он тихо засмеялся. Она впервые услышала, как он смеётся, когда не пытается кого-нибудь успокоить.

Лидия хотела пожелать спокойной ночи и вдруг поняла, что не сможет честно произнести слово «спокойной».

— До завтра, — сказала она.

— До завтра.

Она положила телефон на ступеньку рядом с собой. Встала не сразу.

Потом убрала со стола серую книгу, переложила её на отдельную полку, оставив рядом чистое место. Лампу повернула обратно к атласу. Работы оставалось достаточно, чтобы прожить ещё один день.

Глава 6. Восемнадцатое

Вадим проснулся раньше будильника и некоторое время лежал, стараясь не называть день. Достаточно было произносить про себя «суббота», и утро ещё оставалось обычным: тяжёлая голова, сухость во рту, полоска света между шторами. Потом за стеной кто-то включил музыку, и Вадим вспомнил, что сосед делает так по выходным.

Восемнадцатое октября.

Телефон показывал без четверти восемь. Новых сообщений от Лидии не было. Они договорились на десять; он не имел права теперь решать, что два лишних часа её молчания означают беду.

Он встал, умылся, позавтракал. Всё занимало меньше времени, чем хотелось. Даже посуду удалось вымыть сразу, без обычной отговорки, что сначала нужно закончить абзац.

Зелёная книга лежала на письменном столе. Вадим не переносил её туда ради опыта: на кухне понадобилось место для еды. Из-за этого обычного перемещения ему казалось, что он должен что-то вспомнить, дописать в собственную запись, иначе потом не сумеет доказать себе, где она находилась.

Он раскрыл её на сто девяносто первой странице.

Лидия всё ещё умирала.

Белая полоса ткани, нож, его собственная медлительность — всё осталось на месте. Вадим положил рядом телефон с четверговым снимком. Сравнил первые слова строк, потом последние. Дата была прежней.

Он дочитал соседнюю страницу, где собирался вынуть лист. Теперь это желание казалось чужим настолько, что он почти мог не связывать его с собой. Он не собирался брать нож. Не собирался ехать к Лидии. Не знал, в каком доме она живёт. Вчера она убрала инструменты, сын уехал с отцом, все взрослые люди поговорили друг с другом.

Но под его пальцами была настоящая бумага. И настоящая строка про то, как он решит позвонить слишком поздно.

Вадим закрыл книгу. Снял новый снимок обложки, тут же удалил его: крышка ничего не доказывала. Фотографии разворота он оставил.

До десяти оставалось полтора часа.

Он открыл рабочий файл. Внизу страницы героиня романа ждала мужа у окна. Прежде чем исправлять, Вадим вернулся к двум присланным редакциям. Надежда ещё в четверг объяснила, что автор передумал убивать мужа и не согласовал части нового файла. Тогда Вадим только нашёл расхождение. Теперь следовало собрать ту последовательность, которую человек хотел оставить.

Вадим сравнил даты файлов. Проверил несколько совпадающих страниц. Написал Надежде, что нашёл место, с которого версии расходятся, и прикрепил короткую таблицу. Работа пошла неожиданно легко. Здесь противоречие имело причину, а причина — имя человека, которому можно было задать вопрос.

Он разобрал два перехода и понял, что давно уже не смотрел на телефон.

Это испугало его больше, чем утреннее ожидание.

Вадим взял телефон. Девять сорок семь. Ничего не пропущено.

Он снова положил его рядом, экраном вверх.

В десять Лидия позвонила сама.

— Доброе утро.

Он не сразу ответил. До этой секунды Вадим почему-то представлял её шёпот, просьбу о помощи, незнакомый голос вместо неё. Она говорила обычно. Чуть глуше, чем вчера: видимо, только что встала.

— Доброе, — произнёс он. — Вы как?

— Спала плохо. Сейчас собираюсь работать. А вы?

— Уже попробовал. Получилось.

— Значит, можно ещё раз.

Он посмотрел на файл, где стояли его последние две строки.

— У вас книга на месте?

— На полке. Я ещё не брала. Матвей у Юры, прислал фото завтрака. Футляр в шкафу, Юра написал вчера, когда доехали. Всё как договорились.

— Я смотрел. У меня пока то же самое.

Лидия молчала несколько секунд.

— Я сейчас не буду, — сказала она наконец. — До вечера. Мне надо хотя бы половину дня не читать про убийство.

— Хорошо.

— Вы не пойдёте?

— Нет.

— Я тоже не позову.

Он услышал, как она передвинула что-то тяжёлое.

— Что это?

— Груз. Я работаю, Вадим.

— Простите.

— Ничего. Я бы тоже спросила.

Они решили не звонить друг другу до шести без причины. Если понадобится — сначала написать, кроме настоящей срочности. Не потому, что друг другу надоели, а чтобы день хотя бы внешне мог состоять из чего-то ещё.

Перед тем как отключиться, Лидия спросила:

— У вас есть еда?

— Есть.

— А то я знаю людей, у которых «есть» означает сухой рис и чай.

Он посмотрел в сторону кухни.

— Яйца тоже есть.

— Уже неплохо.

Она засмеялась и попрощалась.

Вадим вернулся к файлу. Дочитал страницу, переставил абзац, снова прочёл. Потом поднялся и достал из холодильника упаковку замороженной рыбы. Решил, что к приходу Надежды успеет приготовить обед.

Ни одной причины думать о ножах в собственной кухне у него не было. Он всё равно подумал.

Он оставил рыбу размораживаться в холодильнике и сел работать дальше.

Надежда пришла в начале третьего с ноутбуком и плоским контейнером, завернутым в полотенце. На площадке она долго перекладывала вещи из одной руки в другую, не позволяя ему забрать всё разом.

— Горячее снизу, — предупредила она. — Не хватай.

— Что это?

— Картошка. Если я оставлю её дома, вечером придётся есть третий день подряд. Участь редактора — распределять лишнее.

На кухне она поставила контейнер на подставку, размотала полотенце и заглянула в его холодильник.

— Ты рыбу собираешься есть сырой?

— Почему?

— Потому что она ещё каменная.

Вадим взял упаковку. Рыба действительно не оттаяла. До сих пор ему казалось, что несколько прошедших часов обязаны были что-нибудь с ней сделать.

— Я думал, успеет.

— Не успела. Оставь до завтра. На сейчас купим что-нибудь.

Он подчинился слишком охотно. Надежда заметила и посмотрела на него внимательнее.

— Вадик, я пришла поработать рядом. Ты можешь не кормить меня так, словно я последний гость в твоей жизни.

Он убрал рыбу обратно.

Надежда достала телефон, заказала курицу, потом повернулась к нему.

— Покажешь эту вещь?

Вадим привёл её к письменному столу. Она вымыла руки, вытерла насухо, хотя в обычный день редко церемонилась с непрочитанными тиражными экземплярами.

— Можно самой взять?

Он кивнул.

Надежда раскрыла книгу на титуле. Провела взглядом по названию, перевернула лист. Вадим не стал подсказывать, где искать. Сел рядом на другой стул.

— Бумага довольно хорошая, — сказала она.

— Лидия тоже сначала про бумагу.

— Про остальное пока трудно.

Она дошла до лимонов, нашла прищепки. Остановилась на разговоре с Тумановым. Вадим показал фотографию прежней страницы и ту, которую снял после его ухода.

Надежда долго переводила взгляд с телефона на печатный текст.

— На фотографии он взял?

— Да.

— А здесь ушёл без книги.

— Как на самом деле.

— И ты ничего не перепутал.

Он услышал в этой фразе не вопрос и был ей благодарен.

Надежда перевернула ещё несколько страниц. Вадим поймал её за запястье, прежде чем успел понять, что делает.

Она посмотрела на руку.

Он сразу отпустил.

— Прости.

— Что там?

— Не знаю.

Надежда вернула ладонь на собственные колени.

— Ты хочешь, чтобы я не читала?

— Я боюсь, что ты прочтёшь и...

Он не закончил. Запрета не было ни в правилах, которые они придумали с Лидией, ни в предупреждениях Беликова. Надежда уже знала про лимоны и не заболела, не пропала, не превратилась в человека из его страницы. Он просто увидел, как она спокойно листает, и захотел остановить её раньше следующего движения.

— Не читай дальше, пожалуйста, — сказал он. — Пока.

— Хорошо.

Она закрыла книгу, не обидевшись. От этого ему стало ещё хуже.

— Я никогда тебя за руку не хватал.

— Вот и не начинай.

Вадим положил книгу в сторону. дождался, когда она откроет ноутбук, и только потом придвинул свой.

Они работали за одним столом, не разговаривая почти час. Изредка Надежда называла номер главы или спрашивала, в каком письме искать авторский ответ. Вадим отвечал. Она не приглядывалась к нему поверх экрана, не говорила, что всё образуется, и ни разу не спросила, о чём он сейчас думает.

Когда принесли еду, он заметил, что руки перестали быть холодными.

За обедом Надежда рассказала о вчерашней встрече. Пришло меньше людей, чем записалось, зато двое остались поговорить после конца и съели почти всё печенье. Лимонов осталось четыре. Десять всё-таки было много.

— Можно было не делать из покупки манифест, — сказала она.

Вадим улыбнулся.

— Я пытался изменить будущее.

— Изменил. В понедельник буду отмывать липкую доску, потому что отрезали больше, чем съели.

Она сказала это спокойно, без желания высмеять. Вадим представил доску возле чайника, чужие руки, полупустую тарелку. Вчерашний день не заканчивался там, где он уезжал с десятью лимонами. Люди продолжали собирать чашки и искать крышки от контейнеров. От его страха им досталось несколько лишних мокрых ломтиков.

— Я помою, — сказал он.

— Запомню.

Телефон завибрировал. Роман.

Надежда кивнула на экран:

— Ответь. Я уберу.

Вадим взял трубку, но с кухни не ушёл.

Туманов спросил, может ли подъехать. Книгу забирать не будет, просто хотел поговорить. Голос у него был уставший, и Вадим вдруг представил, как тот стоит на улице с включённой навигацией, не зная, куда теперь ехать.

— Сегодня нет.

— Мне бы пять минут.

— Роман, нет. Мы с Лидией сегодня ни с кем из вас не встречаемся.

— Вы считаете, я сейчас приду и...

— Я не знаю, что считаю. Просто сегодня не надо.

Туманов помолчал.

— Феликс мне всё высказал. Что я неправильно вас подготовил.

— А должен был как?

— В том-то и дело.

Из этого мог получиться длинный разговор об обиженном посреднике. Вадим не хотел участвовать, но впервые услышал в голосе Романа не попытку сгладить, а злость. Возможно, наконец-то нашлось что-то, чего тот не собирался скрывать.

— Завтра, — сказал Вадим. — Я спрошу Лидию. Если согласится, встретимся втроём. Не у неё дома и не у меня.

— Где?

— Напишу после разговора с ней.

— Книгу принесёшь?

— Пока договариваемся только о встрече. Ты обещал найти прежние снимки. Нашёл?

— Я смотрю.

— Продолжай.

Роман вздохнул.

— Деньги отправил. Пятнадцать. Как договаривались.

Вадим отнял телефон от уха, проверил уведомления. Перевод действительно пришёл: пока они говорили, он не услышал отдельный сигнал.

— Получил. Но ты понимаешь, что я не написал никакого заключения?

— Ты её читал.

— Не всю. Я не подтверждаю ни качество, ни право что-нибудь с ней делать.

— Напиши мне это, если хочешь. Я не прошу заключения. За потраченное время.

После звонка Вадим написал: получил пятнадцать тысяч за предварительное чтение; работа остановлена, выводов о происхождении и пригодности текста нет. Роман ответил: «Да».

Надежда уже сложила остатки еды в контейнер. Вадим показал ей переписку.

— Это не делает его честным, — сказала она.

— Знаю.

— И не делает виноватым во всём. Просто он тебе заплатил.

Она убрала полотенце в сумку. У Вадима на секунду возникло детское желание спрятать её сумку подальше, чтобы Надежде пришлось ещё побыть здесь, пока она её найдёт.

Он посмотрел на часы. До шести было меньше двух часов.

— Ты когда собиралась уходить?

— В девять мне надо быть дома. Могу до восьми.

— Побудь.

— Побуду.

Они вернулись за стол.

Во второй половине дня работа шла медленнее. Вадим начал слышать всё, чего раньше не замечал: лифт, ключ в соседнем замке, стук возле батареи. Каждый звук успевал стать причиной поднять голову до того, как он узнавал его.

В шесть он сначала написал Лидии, затем позвонил.

Она ответила из мастерской. Где-то рядом зашуршала ткань.

— Я сняла старое крепление, — сказала она. — Не с этой книги. С другой. Чтобы вы сразу не подумали.

— Ножи же у Юрия.

— Для этого нож не нужен. У меня работа немножко разнообразнее.

Он улыбнулся.

— Как день?

— Длинный. Нормальный. Матвей написал, что приехал, познакомился с людьми. Юра заберёт. Я сейчас поем.

— Я тоже поел.

— Надежда пришла?

— Да.

— Передайте ей спасибо.

Вадим обернулся. Надежда сидела с наушниками, нахмурившись смотрела в экран. Он не стал сейчас её отвлекать.

— Передам. Роман просится встретиться завтра. Хотел сегодня, я отказал.

— Хорошо. Завтра можно. Только пусть сначала пришлёт, что у него есть. Я не хочу ещё час слушать, что он не знает.

— Потребую.

— Не потребуйте. Попросите прислать сейчас.

Вадим замолчал. Слово было его обычной уловкой: пообещать решительность вместо самого простого действия.

— Напишу после звонка.

— Тогда в той же кофейне, в двенадцать. Нам всем уже есть что друг другу показать. Я Юре написала, что буду дома после обеда. Он тогда привезёт Матвея и инструменты.

— Вы понесёте книгу?

Лидия подумала.

— Да. Но не отдам. И домой к нему не поеду.

— Я тоже.

Они ещё не говорили, случится ли это воскресенье. Договаривались так, как будто оно уже принадлежало им.

— Вы сегодня смотрели? — спросил Вадим.

— Сейчас, перед звонком. Всё ещё есть. И я даже злюсь. Мне хочется, чтобы оно уже признало, что мы не пойдём.

— Я знаю.

— Вы у себя?

— У себя.

— Хорошо. Я тоже.

После разговора он написал Роману. Время, место, просьба прислать снимки сегодня. Добавил, что оба принесут книги только для сравнения, передача пока не согласована. Туманов подтвердил встречу и ответил, что к вечеру доберётся до старого телефона, которым снимал собрание.

Вадим передал подтверждение Лидии. Надежде — её спасибо.

— Пожалуйста, — сказала Надежда, не снимая наушников. Потом подумала, отодвинула одну чашку от уха. — Она не должна мне ничего за это.

— Я понял.

— Ты тоже.

Вадим хотел ответить шуткой и не стал.

В восемь она закрыла ноутбук. Он помог собрать вещи, нашёл под столом упавшую зарядку. На кухне Надежда показала ему контейнер с едой и попросила не оставить его на столе до утра. Вадим сразу убрал в холодильник.

У двери она надела пальто, застегнула одну пуговицу не в ту петлю, выругалась вполголоса и начала заново.

— Позвонишь после двенадцати? — спросила она.

— Позвоню.

— Сообщения хватит. Я не лягу рано, но могу отойти от телефона. Не начинай спасать меня из-за этого.

— Хорошо.

После её ухода квартира стала слишком большой. Он прошёл на кухню, открыл холодильник, посмотрел на контейнер, закрыл. Вернулся в комнату и положил на стол руку туда, где ещё недавно стоял чужой ноутбук.

Восемь четырнадцать.

За оставшиеся часы можно было дописать целую главу, сходить на прогулку, посмотреть фильм. Вадим не мог представить ни одного действия, которому хватило бы значения, чтобы начинать его сейчас.

Он снова взял зелёную книгу.

Раскрыл на смертельном развороте и вдруг заметил, что читает не о Лидии. Он ищет собственное оправдание. Где здесь написано, что он не успел, не понял, не хотел. Всю сцену Вадим раньше удерживал глазами её падение и телефон. Теперь прошёл предложение за предложением с другим, гораздо более стыдным вниманием.

Никакого оправдания не нашлось.

На предыдущей странице он действительно хотел вынуть лист, чтобы проверить, будет ли отдельная бумага меняться так же. Это было не безумное желание. Теперь, когда он видел две фотографии одного разворота, ему хотелось знать ещё больше. Позавчера он мог бы спросить знакомого реставратора, как осторожно отделить лист. Если бы Лидия сказала, что нельзя, он стал бы спорить. Очень вежливо, объясняя, что ради понимания происходящего маленький ущерб допустим.

Вадим узнал эту интонацию раньше, чем успел придумать, почему сегодня он другой.

Он потянулся к телефону. Открыл переписку с Лидией, набрал: «А если мы завтра попробуем...»

Остановился.

Ей не нужно было сейчас получать ещё одно предложение что-нибудь сделать с опасной книгой. Он мог записать вопрос и спросить завтра. Мог даже позволить себе не узнать ответ.

Вадим удалил начатое сообщение. На отдельном листе написал: «Не отделять страницу, пока не пойму, зачем мне это. Обсудить последствия до действия».

Он зачеркнул второе предложение. Под первым дописал: «Не делать без согласия Лидии с её экземпляром. Со своим сегодня не делать».

Книгу Вадим завернул в бумагу и положил на нижнюю полку. Рядом оставил отдельную запись.

Первые десять минут он слышал только часы. Потом нашёл в файле слово, которое повторялось три раза в соседних предложениях, убрал одно повторение и увидел, что оставшиеся два нужны. Авторская речь медленно вернулась в комнату.

В половине одиннадцатого Вадим сохранил файл. Отправил Надежде разобранные главы и написал, что оставшуюся часть закончит завтра. Она ответила не сразу. За эти семь минут он успел дважды потянуться к телефону и оба раза вернуться к пустой тарелке, которую мыл на кухне.

Потом пришло: «Получила. Дома. Читаю своё. После полуночи не забудь».

Он ответил: «Не забуду».

От Романа появилась фотография стола, заставленного книгами. В углу стояли серый и зелёный тома, лежали какие-то папки. Тёмный участок между корешками оказался тенью. Снимок был общий, открытых страниц не видно.

«Нашёл пока это. Продолжу смотреть», — написал Туманов.

Вадим переслал фотографию Лидии, добавив, что это первый снимок до доставки, если Роман правильно помнит. Даты съёмки из присланной картинки установить он не мог. В переписке стояло только нынешнее время отправки.

Она ответила: «Завтра сравним. Матвей пока собирает кабели. Всё хорошо».

И больше ничего.

Он не стал спрашивать, почему она так коротко. Сохранил фотографию в папку к остальным. На нижней полке лежала книга, которая могла по-прежнему описывать её смерть. Или уже не описывала. Вадим не проверил.

Без четверти двенадцать он лёг на диван, не раздеваясь. Был уверен, что не заснёт. Подтянул к себе плед, включил на телефоне звук погромче и несколько минут смотрел на щель между шторой и окном. За ней горело чужое кухонное окно. Человек перемещался от раковины к столу, иногда исчезал, возвращался. Вадим не мог различить ни лица, ни возраста. Обычный живой человек, занятый чем-то в конце дня.

Телефон разбудил его.

Вадим сел так резко, что плед съехал на пол. Экран светился у локтя.

Лидия.

Ноль часов четыре минуты.

Он ответил, не успев придумать ни одного слова.

— Вадим?

— Да.

— Вы спали?

Он посмотрел на время ещё раз. Девятнадцатое октября. Воскресенье.

— Кажется, да.

Лидия засмеялась. Сначала тихо, потом так, что он услышал вдох сквозь смех. Вадим сидел, прижимая телефон к уху, и не знал, следует ли извиниться. Уснул, пока она ждала. Пропустил единственную минуту, к которой они шли весь день.

— Простите, — сказал он.

— Не надо. Господи, не надо.

Она всё ещё смеялась. Потом сказала:

— Матвей дома у отца. Закончили позже, но он написал из машины и потом от них.

Я хотела сразу написать вам и решила подождать двенадцати. Чтобы не получилось, будто я отчитываюсь по поводу книги. А я просто рада, что он съездил нормально.

— Хорошо.

— Да. Хорошо.

Они помолчали.

— Ты живой? — спросила Лидия.

Он почувствовал, как после этих двух слов из горла наконец ушло что-то сухое и мешавшее дышать.

— Живой. Ты тоже?

— Тоже.

Он нагнулся за пледом. Встал, подошёл к окну. В чужой кухне уже погасили свет.

— Можно не смотреть? — спросила она.

Вадим понял сразу.

— Можно. Утром.

— Я не хочу, чтобы мне сейчас объясняли, почему получилось.

Он тоже не хотел.

— В двенадцать? — спросил он.

— В двенадцать. С Романом. А потом я пойду домой, мне инструмент вернут.

— Хорошо.

— Вадим, ты завтра не обязан продолжать из-за меня. Можно отдать свою книгу. Или оставить и не читать. Мне важно, чтобы ты это знал.

Он хотел ответить, что никогда её не бросит, и услышал, насколько нелепо это было бы после одной встречи. Она не просила о таком обещании. Давала ему выход, которого сама всё ещё боялась.

— Я знаю, — сказал он. — Давай завтра сначала послушаем Романа.

— Давай.

После звонка Вадим написал Надежде: «Оба живы. Воскресенье наступило».

Она прислала: «Очень хорошо. Теперь спать».

Он отнёс телефон в спальню, поставил на зарядку и завёл будильник на девять. Не стал вычитать из сна минуты, которые уйдут на дорогу к кофейне. Завтра будет достаточно времени.

На кухне оставалась рыба, которую он так и не приготовил. Вадим вспомнил о ней уже в постели и впервые за весь день подумал о следующем обеде без усилия.

Глава 7. До наших имён

Утром Лидия нашла на столе чашку, которую ночью забыла отнести на кухню. На дне высохла полоска чая. Она понюхала молоко в холодильнике, отрезала хлеб, включила чайник. Всё это делалось без усилия, а радость почему-то не приходила.

Ночью она смеялась. Сейчас болела спина и хотелось ещё поспать.

Лидия поставила чашку в раковину и пошла за книгой.

С вечера она оставила её на рабочем столе, закрыла ткань, чтобы не видеть серую крышку. Ткань съехала одним углом. Лидия подняла её, положила в сторону и раскрыла тот разворот, который уже могла найти по толщине оставшихся справа листов.

Ножа не было.

На его месте стояло описание субботнего вечера. Лидия работала с расшатанным креплением чужой книги, прислушивалась к телефону, ждала сообщения Матвея. Дальше — звонок после полуночи, короткая пауза перед вопросом, жив ли Вадим. Всё разместилось там, где раньше она убивала его.

Лидия дочитала до края страницы. Перевернула лист. Убийство не отодвинулось на следующий разворот. Там был понедельник: покупка бумаги, звонок заказчице, разговор с человеком, который опять предложит ей чужую удобную форму работы.

Не было ни обещания безопасности, ни предупреждения, что за субботу придётся заплатить.

Она взяла телефон, открыла старый снимок. На нём Вадим лежал на полу, всё ещё напечатанный теми же спокойными буквами. Пальцы Лидии, попавшие в край кадра в четверг, тоже остались прежними — напряжёнными, с пятнышком клея возле ногтя.

Сейчас клея там не было.

Она сделала новый снимок и отправила Вадиму. Написала, что убийство исчезло. Он ответил: «У меня тоже. Теперь на этой странице вчерашняя работа с Надеждой».

Лидия перечитала его сообщение. Ей хотелось, чтобы он написал что-нибудь ещё. Нелепое, счастливое, не относящееся к проверке. Она сама могла написать такое первой, но так и не придумала ничего, что не выглядело бы слишком большим для их знакомства.

«До двенадцати», — отправила она.

Он ответил: «До двенадцати».

Письмо Беликова пришло, когда она уже собиралась выходить. Он прислал два изображения. На первом был напечатанный перечень книг из собрания Леонида Осокина; в выделенной строке значилось: «Два тома без выходных данных, одинаковое заглавие, серый и зелёный переплёт». На втором — фрагмент подписанного листа о передаче части собрания Феликсу Беликову. Дата стояла двадцать пятое сентября. Сумму он закрыл, пояснив в письме, что она относится ко всей покупке, а не к этим двум вещам.

Лидия увеличила изображение. Верхней части перечня не было, соседних страниц тоже. Она не могла понять, сколько там всего позиций и как устроен список. Но хотя бы имя человека, получившего книги, было написано без оговорок.

Беликов добавил, что в три часа сможет поговорить, если возникнут вопросы. До этого будет недоступен на встрече.

Лидия переслала письмо Вадиму, взяла серую книгу, фотографии состояния переплёта и чистую папку. Ножи пока были у Юрия. Брать их с собой ей и не пришло в голову.

У кофейни она увидела Вадима. Он стоял с бумажным стаканом и смотрел на противоположную сторону улицы. Лидия подошла почти вплотную, прежде чем он её заметил.

— Привет, — сказал он.

Вчерашнее «ты» никуда не исчезло. Она почувствовала облегчение и рассердилась на себя за то, что успела об этом побеспокоиться.

— Привет. Роман ещё не пришёл?

— Пришёл. Я вышел, чтобы ты не искала нас. Он в глубине, там стол побольше.

— А кофе?

— Купил по дороге. Теперь стыдно заходить с чужим.

Лидия посмотрела на стакан. На нём не было никакой маркировки.

— Тогда допей. Я подожду.

Он сделал большой глоток, поморщился. Кофе оказался горячее, чем он ожидал.

— Не надо доказывать, что ты готов к трудностям, — сказала она. — Мы рано пришли.

Вадим улыбнулся. У него под глазами были тени, волосы с одной стороны примялись. Вчера она думала о нём весь день как о человеке на другом конце линии. Сейчас нужно было снова привыкать, что у него есть рост, походка и неловкий бумажный стакан, который некуда деть.

Роман поднялся, когда они вошли. На столе лежали два телефона, зарядный провод и толстый конверт. Лидия прежде видела его уверенным человеком, который всегда знает, кому позвонить по поводу вещи. Сегодня он выглядел так, словно взялся продать собственную мебель и уже пожалел.

— Рад, что вы... — начал он.

Остановился. Лидия села.

— Мы тоже рады. Давай посмотрим, что ты принёс.

Он придвинул старый телефон. Экран потускнел; Роман нажал боковую кнопку и положил перед ними снова.

На нём был общий снимок, который Роман прислал накануне. Стол, книги, папки. Серый и зелёный переплёт стояли в дальнем углу, почти заслонённые другими томами.

— Это у Феликса? — спросил Вадим.

— Нет. У Осокиных. Четвёртого октября. Я вывозил ту часть, которую купили. Феликс к тому времени уже договорился с дочерью.

Лидия открыла присланный Беликовым перечень.

— Нина Осокина?

Имя было на подписанном листе. Роман кивнул.

— Сумма настоящая? — спросил Вадим.

— Как я её увижу, если он закрыл?

— Тогда спрошу иначе. Это настоящий список?

Роман наклонился над экраном Лидии.

— Похож на тот, что я заполнял. Только тут кусок. Там несколько страниц было. Альбомы, каталоги, коробки с рукописями. Я вёз не две книжки в пакете.

Лидия вернула взгляд к фотографии. В её книге у нижнего края крышки была светлая потёртость, похожая на короткую косую черту. На снимке та же черта угадывалась, но пиксели мешали уверенно различить край.

— Открой следующий, — попросила она.

На следующем кадре Роман придерживал рукой раскрытый альбом. Затем были корешки, общий вид другой полки, папка с тесёмками. Серый том появился снова на четвёртом снимке после первого. Он лежал открытым.

Страницы были пустые.

Лидия приблизила лицо к экрану. Роман машинально потянул телефон к себе, чтобы увеличить изображение. Она не отдала.

— Я сама.

Он убрал руку.

В верхнем углу пустого листа виднелась тонкая складка. Номер страницы разобрать не удалось. Лидия открыла нынешнюю серую книгу, перелистнула несколько листов, нашла нужный край.

Рядом стояла строка о пятничном разговоре с Матвеем.

— Ты снимал именно этот разворот? — спросила она.

— Да. Хотел показать, что блок внутри чистый. Думал, это заготовка. Их иногда под личную книгу делают: переплёт готов, а внутри бумага.

— Название уже было?

— Было.

— И цифра два?

— Цифру я поставил при разборе. Чтобы в списке не писать каждый раз цвет. На зелёном — один. Не думал, что понадобится объяснять.

Вадим достал зелёный том, открыл титул и посмотрел на карандашную единицу. После этого ничего не сказал.

Лидия всё ещё держала старый телефон.

— На снимке действительно похоже на мою складку. Но я не могу утверждать по этому размеру, что это тот же лист. Пришли оригинал файла, пожалуйста. Не ещё раз через картинку в сообщении.

Роман кивнул.

— Пришлю.

— Сейчас.

Он отправил файл обоим. Пока ждали загрузки, за соседним столом уронили ложку; официантка принесла другую.

На большом экране телефона Вадима складку стало видно лучше. Совпадало её положение относительно края. Лидия раскрыла серый том под тем же углом, насколько позволяли стол и подложенная папка. Положила рядом линейку и сделала снимок.

Роман наблюдал молча.

— Четвёртого там ничего не было, — сказал он, когда она закончила. — Я сам листал.

— Ты в пятницу говорил другое, — произнёс Вадим. — Сначала был другой текст, потом часть страниц пустая. Ты это видел или Феликс тебе рассказал?

Роман потёр переносицу.

— Другой текст я видел в августе. В этой квартире. Ещё при Леониде Аркадьевиче. Он хотел понять, какие книги из собрания стоит приводить в порядок. Я приезжал посмотреть. Тогда эти два тома не были пустыми.

— Почему ты сразу не сказал, что знал хозяина? — спросила Лидия.

— Потому что в четверг я ещё не считал себя участником уголовного дела.

— А сейчас считаешь?

Он посмотрел на неё, затем на закрытый серый переплёт.

— Сейчас не знаю.

— Мы тоже, — сказал Вадим. — Поэтому давай без того, что ты решил за нас не упоминать.

Роман достал из конверта две распечатки. Первая — широкая фотография книжных шкафов, вторая — зелёный том на коленях пожилого мужчины. Лица в кадре не было, только край клетчатой рубашки, рука и раскрытая книга. В первой различимой строке читалось имя: Леонид.

— Это август, — сказал Роман. — Тот же телефон. Я выгрузил ночью. На бумаге видно хуже, чем в файле.

Он показал снимок на экране. Вадим увеличил.

Лидия смотрела через его плечо. Пожилой мужчина должен был утром пойти в магазин и купить батарейки для маленького приёмника. Дальше край снимка обрезал строки. Никакого убийства, никакого чужого имени. Заурядное начало заурядного дня.

Вадим поднял голову.

— Он знал, что это про него?

— Наверное. Он мне читал вслух, как анекдот. Я подумал — знакомый написал подарок.

— Ты спросил?

— Спросил. Он сказал, что не всё, что напечатано, предназначено для продажи.

— И после этого ты их продал?

Роман посмотрел на Вадима сердито.

— Я ничего у живого человека не украл. После смерти дочь разбирала квартиру. Она решила, что оставить, что отдать, что продать. Я делал опись. Если ты хочешь, чтобы я теперь отвечал за её решение, так и скажи.

Вадим отодвинулся.

— Не хочу. Я хочу понять, что случилось между этим снимком и нашей доставкой.

Лидия взяла распечатку. На обрезанном краю страницы было видно бурое пятно. Она посмотрела на зелёный том Вадима.

— Покажи то место, которое менялось после Романа.

Он перелистнул. Пятнышко на полях было, но не там, где на августовском снимке: эта фотография показывала начало, а пятничная перемена произошла дальше. Лидия положила распечатку обратно.

— Нет. По этому не сравнить. Пятна могут быть разные.

Ей хотелось обнаружить метку, которая соединит всё без остатка. Лидия ещё раз наклонилась над снимком, потом отодвинула его.

Роман отправил и августовский файл. Потом придвинул к ним конверт.

— Распечатки забирайте. Мне не надо.

— Оригиналы снимков оставь, — сказал Вадим. — И телефон не чисти.

— Я понял.

Официантка подошла спросить, будут ли они что-нибудь ещё. Роман попросил воды. Лидия заметила, что он так и не допил кофе.

— Как Осокин умер? — спросила она после того, как девушка отошла.

— В больнице. Долго лечился. Я узнал от Нины, когда она позвонила про разбор квартиры. Феликс его при мне не видел.

— А не при тебе?

— Не знаю. Я не сторожил их жизнь.

Лидия кивнула.

— С Ниной можно поговорить?

— Спрошу. Только не звоните ей со словами, что её отец оставил какие-то убийства. Она и так устала.

— Мы не собираемся.

Роман достал телефон. Набрал короткое сообщение, показал им перед отправкой. Двое специалистов, которым передали книги из собрания, хотят уточнить их историю. Можно ли дать контакт. Ничего про гибель в субботу.

Лидия попросила добавить, что речь об одинаковых сером и зелёном томах. Он добавил и отправил.

— Теперь про нас, — сказал Вадим. — Когда Феликс попросил найти редактора?

— Во вторник. До того я просто возил и описывал. Он сказал, нашёл в этих вещах текст, который хочет оценить. Нужен человек, умеющий читать, а не считать, сколько стоит бумага.

— И ты назвал меня.

— Назвал. Лидию он помнил по прошлогоднему заказу. Спросил, работает ли она ещё.

— Фамилии ты ему написал?

— Конечно. Как ещё оформлять работу?

Лидия посмотрела на Вадима. Он тоже смотрел на неё.

Во вторник их ещё можно было выбрать для обычного заказа. В четверг в книгах уже стояли их имена. Между этими событиями был живой человек, а не только пустые страницы.

— Ты до доставки видел текст про нас? — спросила она.

Роман долго не отвечал. Поднёс стакан, поставил, не отпив.

— Про Вадима — начало. Когда забирал у Феликса. Там было имя и квартира. Я решил, что он прислал образец, чтобы заинтересовать. У вас я не читал, только проверил переплёт.

— Про квартиру ты понял, что его?

— Не сразу.

— Но понял.

— Да.

Лидия откинулась на спинку стула. Вадим держал обе ладони на коленях. Она видела, как пальцы мнут ткань брюк.

— Ты мог позвонить, — сказал он.

— Мог.

— До курьера.

— Мог.

— Не надо говорить, что хотел меня заинтересовать. Это он хотел. А ты что хотел?

Роман наконец отпил воду.

— Закончить передачу. Чтобы заказ состоялся и мне не звонили ещё неделю с тем, что не нашли человека. Я взял деньги за подбор специалистов. Ты согласился посмотреть. Лидия согласилась посмотреть переплёт. Я решил, что дальше вы сами разберётесь.

Он не поднял глаз.

За спиной Лидии зашипела кофейная машина. Потом замолчала, и в паузе Вадим сказал:

— Дальше я два дня пытался понять, не ты ли прислал мне угрозу.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. Но теперь хотя бы не говори, что с самого начала ничего не видел.

Роман кивнул.

Лидия не собиралась его успокаивать. Ей тоже хотелось, чтобы он посидел ещё немного с тем, что сказал.

— Книги пока остаются у нас, — сказала она. — Беликову напиши, что мы не исчезли с его собственностью. Пришли нам копию. И попроси полный список, а не кусок.

— Я могу сейчас ему позвонить.

— Он написал, что до трёх занят. Я сама после трёх позвоню. Сейчас отправь письмо о том, где вещи.

Роман написал, что серый том остаётся у Лидии, зелёный — у Вадима, и отправил письмо всем троим.

Она допила остывший чай.

На выходе Вадим задержал Романа у двери. Лидия вышла на улицу, но через стекло видела, что они не ругаются. Вадим что-то спросил. Роман ответил, пожал плечами. Они не пожали друг другу рук.

— Что? — спросила Лидия, когда Вадим догнал её.

— Попросил написать мне то, что он сказал про начало. Что видел до передачи и не предупредил. Он согласился.

— Думаешь, напишет?

— Узнаем.

Они шли к каналу. На этот раз никто не оговаривал, до какого места можно идти рядом. Лидия чувствовала тяжесть книги в сумке и конверта, который не помещался туда целиком. Вадим нёс собственный том, старую распечатку и пустой стакан, который всё-таки забрал с собой из кофейни. У первой урны он остановился и выбросил стакан.

— Я вчера чуть не предложил тебе отделить лист, — сказал он.

Лидия остановилась.

— Вчера?

— Вечером. Уже после звонка. Начал писать сообщение. Не отправил.

— Почему?

— Сначала хотел сказать: понял, что опасно. Но, кажется, просто вспомнил, что ты целый день ждёшь, когда я перестану быть человеком с ножом. И решил подождать.

Она посмотрела на его сумку.

— Спасибо, что не отправил.

Он кивнул.

— Я тоже хочу понять, как оно устроено, — сказала Лидия. — Только если для каждого ответа мне надо будет ещё одну субботу прожить, я лучше не узнаю.

— Может быть, сначала сравнить, не разбирая?

— Можно. Нужен нормальный свет, место. Не стол с чьей-нибудь горячей чашкой. Я подумаю, где.

Вадим остановился у парапета.

— Если мы отдадим их сегодня, — сказал он, — он получит две вещи, в которых написано про нас. И скажет, что мы больше не участники.

— Он может так сказать и сейчас.

— Сейчас у меня хотя бы есть то, на что я смотрю.

Лидия поняла, что уже не спорит с ним про страх оставить книгу. Ей хотелось забрать её домой, рассмотреть пустую страницу с чужой фотографии, проверить, остались ли в корешке следы замены. Работа снова предлагала понятные действия. Этому было приятно поддаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.